

ТИМИРЯЗЕВКА

Выходит с 5 апреля 1926 г. № 13-16 (2925-2928) ноябрь 2012 года ☎ редакции (499) 977-31-30

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

СПЕЦВЫПУСК

Мужчина

Московский сельскохозяйственный институт в годы работы в нём Н.И. ВАВИЛОВА

25 ноября 1887 года родился ГРАЖДАНИН МИРА Николай Иванович ВАВИЛОВ.

Выпускник МСХИ (ныне Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А. Тимирязева). Этот юбилейный номер нашей газеты посвящен великому ученому, его родным, друзьям и сподвижникам

Отрадно, что Вавилов учился, преподавал и работал в Московском сельскохозяйственном институте (МСХИ), ранее — Петровская земледельческая и лесная академия, а в настоящее время Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А. Тимирязева. Целых одиннадцать лет он овладевал высокой наукой творчества на земле Петровки. С первого курса проявил значительный интерес к исследованиям и эта увлеченность и ежедневное постижение тайн науки с годами не только совершенствовались в нем, но и приобретали все более мощное звучание, выразившееся в огромной самоотдаче, расширении своего творческого потенциала. Он умел работать сам и умел увлечь своими планами единомышленников. Уже на студенческой скамье многие, зарождавшиеся в Вавиллове черты исследователя, увидел Дмитрий Николаевич Прянишников, его слова: «Николай Иванович — гений, и мы не осознаем этого только потому, что он наш современник...» говорят о многом.

Н.И. ВАВИЛОВ в студенческие годы в Московском сельскохозяйственном институте 1911 г. Слева направо в первом ряду: Л.И. ГОВОРОВ, Н.И. ВАВИЛОВ, Е.Н. СИНСКАЯ; во втором ряду: А.Г. ЛОРХ, Д.Л. РУДЗИНСКИЙ, С.И. ЖЕГАЛОВ, П.И. ЛИСИЦЫН

Вклад Н.И. Вавилова в науку, значение его работ становится все заметней. Его именем называют научные подразделения и банки растительных ресурсов в разных

странах мира, учреждают премии и гранты имени Вавилова, издают его работы, воспоминания о нем, и результатах его многочисленных экспедиций.

...ТАКИЕ ЛИЦА ЗАПОМИНАЮТСЯ СРАЗУ. О ДРУГЕ И КОЛЛЕГЕ Н.И. ВАВИЛОВА

ТРЕТИЙ СНЕГ, или долгая тропа к Георгию КАРПЕЧЕНКО

Когда лет десять назад в разговоре с Юрием Николаевичем Вавиловым я упомянул о Карпеченко, то услышал: в Москве живет дочь этого ученого. В радостном ожидании вскоре я уже набирал номер ее телефона. Представившись, прошу Валентину Георгиевну о встрече, но в ответ: «Я ничего не могу Вам рассказать. Была очень маленькой». Попытка напроситься в гости не удалась. И второй звонок не принес удовлетворения. Прошло несколько лет. Однажды Юрий Николаевич позвонил мне вечером: «Вы можете встретиться с дочерью Карпеченко. Я показал ей номер вашей газеты и она согласилась». В том

номере целый разворот посвящался Николаю Ивановичу Вавилову. И на двух полосах немало было нового для читателей о великом сыне нашей академии. Вскоре я уже вошел в один из высотных домов недалеко от станции метро «Сокол».

...Поезд тащился к Вельску по однопутной, замирая надолго на непонятных остановках. Мысленно тороплю его, хотелось скорее оказаться в долгожданном северном городке. Уже светлеет, виден (неожиданно для меня) снег, прячущий неторопливую осень, а из снега — стремительно уходящие ввысь сосны и, реже гораздо — стройные березы, не слишком белоствольные через мутное слезливое окно вагона этим ранним утром. Но наконец и вокзал.

Когда из вагона двинулся к стоящему автобусу, оказалось, иду по снежному месиву, проваливаясь чуть не по шиколотку. Через несколько минут куртка, омываемая неистовым дождевым потоком, стала явно промокаемой. Неужели и московское тепло (а уезжал я вечером 5 ноября, когда термометр на Казанском вокзале показывал +10 °С) добралось до Архангельских земель? Вжавшись в кожаное сиденье, обращаю к молодой: «Доедем до почты?» — женщина кивает, отрешенно пересчитывая мелочь в разбухшей сумке. Но я вновь задаю назойливый вопрос. «Доедем», — улыбается она. И ее широкое русское лицо сразу делается привлекательным. «Через несколько минут поедем, я скажу, когда выходить». Подумалось, здесь живут хорошие люди.

Я рванул сюда, не зная, где объект моей командировки, зная, что всё равно соберу нужную мне информацию. Дело сейчас шло к полудню и всё еще было впереди. И школа с музеем, как мне говорили несколько лет назад, и родовой дом Карпеченко, где находилась милиция. (На стр. 15)

Н.И. ВАВИЛОВ
1916 год

25 ноября 2012 г весь цивилизованный мир будет отмечать 125 лет со дня рождения великого всемирно известного биолога-растениевода Николая Ивановича ВАВИЛОВА

«Только жизнь для других – есть жизнь, которую стоит прожить». (А. ЭЙНШТЕЙН)

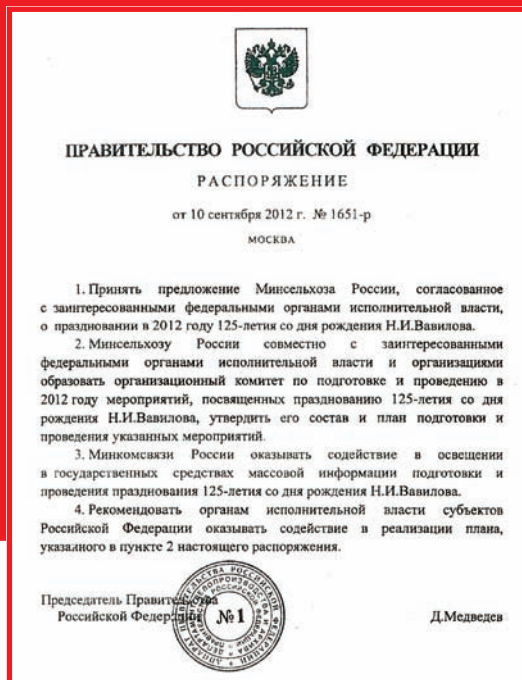
ГОРДОСТЬ российской науки

академик Н.И. ВАВИЛОВ

Отдавая дань памяти выдающемуся выпускнику Московского сельскохозяйственного института, гению XX столетия Н.И. Вавилову, по инициативе РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева, поддержанной МСХ РФ, было принято Распоряжение Правительства РФ о праздновании 125-летия со дня рождения Н.И. Вавилова. Поручено Российскому государственному аграрному университету – МСХА имени К.А. Тимирязева провести Всероссийскую научную конференцию с международным участием 4-6 декабря 2012 года.

Визит мероприятий, проводимых РГАУ – МСХА имени К.А. Тимирязева, посвященных 125-летию со дня рождения выдающегося советского биолога с мировым именем Николая Ивановича Вавилова, включены: выпуск журнала «Известия ТСХА», юбилейный номер газеты «Тимирязевка», научное издание «Родовое древо Николая Ивановича Вавилова. Очерк жизни выдающейся семьи» профессора С.Я. Попова и др. материалы. Публикации, представленные здесь, раскрывают значение работ Вавилова и отражают его огромную по масштабам и в высшей степени плодотворную деятельность как великого ученого и организатора сельскохозяйственной науки в СССР. Н.И. Вавилов разрабатывал перспективную стратегию научного поиска в области генетики, селекции, эволюционной теории, интродукции, иммунитета, общего и частного растениеводства и земледелия с учетом назревших потребностей мирового и отечественного сельского хозяйства.

Путь, пройденный Н.И. Вавиловым в науке, привел к фундамен-

тальным открытиям в эволюции видов, лег в основу научного обоснования селекционной работы, а также современной биотехнологии. Круг научных интересов Николая Ивановича весьма широк: он был генетиком, систематиком, эволюционистом, физиологом растений. В нем прекрасно сочетались разные профессии: ученый, географ-путешественник, организатор и администратор, активный общественный деятель, талантливый педагог. В то же время, особенность творчества Н.И. Вавилова заключалась не только в широте научных интересов, но и в практической направленности

его исследований, уникальном глобальном масштабе его интересов. Именно в МСХИ в конце XIX - начале XX века сформировались научные основы различных направлений в области аграрных наук. Большинство представителей профессорско-преподавательского состава того времени и их прямые ученики создавали новые области исследований, основывали новые научные школы.

Среди них такие имена, как И.А. Стебут, А.Ф. Фортунатов, К.А. Тимирязев, М.К. Турский, И.А. Каблуков, Н.Я. Демьянов, Д.Л. Рудзинский, С.И. Жегалов, П.И. Лисицин, В.П. Горячкин, А.Г.

Дояренко, Е.Ф. Лисун, А.В. Чайнов, А.Н. Костяков, Е.С. Федоров и многие другие. Поэтому естественно, что научная «родословная» Н.И. Вавилова включает такие блестящие имена, как, например, Д.Н. Прянишников, который был прямым продолжателем классиков аграрной науки, И.А. Стебута и К.А. Тимирязева, Д.Л. Рудзинского и много других имен мирового масштаба. При анализе творчества Н.И. Вавилова трудно провести границы между трудами растениеводческого, генетического, систематического характера. Все более или менее крупные труды ученого приносили решительный поворот в теории и в

методах исследований, поскольку для Н.И. Вавилова было характерно идти всегда новыми путями, рассматривать исследуемый им мир растений с новой точки зрения. В результате накопленные им данные приводили к выявлению неожиданных фактов, появлению качественно новых обобщений, новых идей. Ему удалось очень многое сделать и это благодаря его учителям в «Петровке». Уникальность Н.И. Вавилова заключалась в масштабности его подходов к исследованиям. Если заниматься иммунитетом – то сразу у многих видов и по отношению к многим патогенам, если собирать банк растительных ресурсов – то это будет мировой банк. Если создавать опытные станции – то целую сеть, распространенную по всей стране, по всем эколого-географическим регионам. И так – во всем.

Его целенаправленность, энергия, приводила к успешности во многих начинаниях, что, естественно, притягивало к нему людей. И даже в крайне тяжелые времена Н.И. Вавилов считал, что по долгу, по воспитанию, по справедливости, по чести его место в России, несмотря на огромные возможности работы за рубежом. Потрясенная страна, потерявшая пятую часть своего населения, пыталась прийти в себя, провозгласив «новую экономическую политику», делала первые шаги по восстановлению прерванных мировой войной и Октябрьской революцией международных связей. И в этой работе по восстановлению есть доля труда и Н.И. Вавилова.

Ключевые идеи учения Н.И. Вавилова – установление гомологических рядов в наследственной изменчивости организмов, выявление географических центров доместики видов, таксономия биологического вида, как системы, получили глубокую теоретическую разработку и широкое практическое применение в течение сравнительно короткой жизни ученого. Н.И. Вавилов был первым исследователем, который так успешно сочетал в своем творчестве фундаментальные открытия с разработкой практических путей их применения.

В настоящее время историческая значимость основополагающих работ Н.И. Вавилова получила мировое признание. Генбанк некоторых стран носят имя Н.И. Вавилова. Н.И. Вавилов признан основателем важнейшего научного глобального направления – генетические ресурсы растений (ГРР). Считается, что развитие только этого направления в будущем способно обеспечить на 80-90% глобальную продовольственную безопасность.

В.М. БАУТИН,
ректор РГАУ–МСХА
имени К.А. Тимирязева,
академик РАСХН

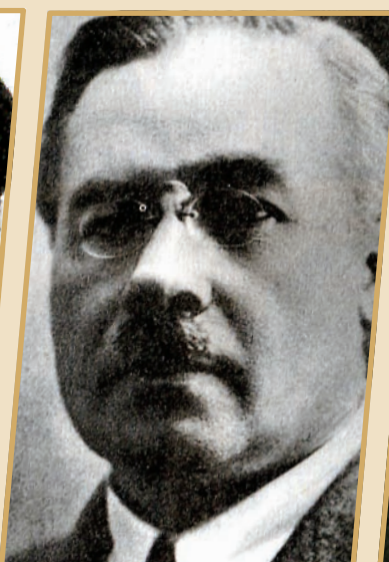
Сподвижники и коллеги Н.И. ВАВИЛОВА

П.Ф. РАКИЦКИЙ

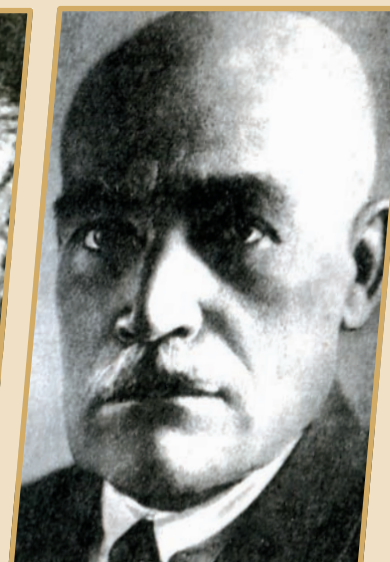
С.И. АЛИХАНЫ

Б.Е. РАЙКОВ

Л.А. ОРБЕЛИ

П.Н. КОНСТАНТИНОВ

Фото из книги Жореса МЕДВЕДЕВА «Взлёт и падение Лысенко»

Я училась на биологическом (в 1960-е гг. — биолого-почвенном) факультете МГУ и в 1968 г. получила диплом по специальности «биохимия» на кафедре биохимии животных, которой руководил в то время С.Е. Северин. К слову, позволю себе некоторое отступление лирического плана: классы начальной школы я проходила в московской школе № 29, директором которой была Е.В. Мартыанова (прототип «сельской учительницы» в известном художественном фильме), которую часто посещали делегации зарубежных общественных организаций. Будучи маленького роста, я обычно сидела за первой партой и, видимо, поэтому именно мне во время визита делегации педагогов США был задан вопрос: «кем ты хочешь стать, когда вырастешь?». Тогда я ответила «мичуринцем» — такое было время!

К счастью, этого не случилось: дипломную работу я выполняла в Институте радиационной и физико-химической биологии (теперь — Институт молекулярной биологии им. В.А. Энгельгардта) АН СССР и стала ученицей Андрея Д. Мирзабекова и последовательницей Александра А. Баева. Работа развивалась успешно и мне удалось в 1973 г. защитить кандидатскую диссертацию (как выяснилось позднее, это была первая защита по академической специальности «молекулярная биология» в стране, прежде специалисты, успешные в этой области, получали ученые степени по специальности «биохимия»). Однако через 10 лет мне пришлось по семейным обстоятельствам отказаться от любимой работы, связанной нередко с круглосуточным бдением за лабораторным столом.

К счастью, меня пригласили присоединиться к группе по изучению и подготовке к опубликованию архива великого русского биолога Николая Ивановича Вавилова. Инициатива принадлежала Комиссии по разработке научного наследия ученого («Вавиловской комиссии») в лице историка В.Д. Есакова, известного работами по социальной истории отечественной науки, и председателя Комиссии И. А. Рапопорта, который немного знал меня по научным контактам его лаборатории с институтом В.А. Энгельгардта. Базировалась работа в академическом Институте истории естествознания и техники, куда Президиумом АН СССР была дана целевым образом ставка старшего научного сотрудника. Это было новое для меня и чрезвычайно увлекательное исследование — поиск, расшифровка, комментирование документов деятельности Н.И. Вавилова и его окружения. Нельзя было не восхищаться трудами и обаянием личности великого человека, не переживать близко трагедию его судьбы.

Как я неоднократно подчеркивала в статьях на эту тему, успех общей работы был достигнут в определенной степени благодаря самоотверженности архивиста ВИРА — Лидии Николаевны Савиновой, сохранившей документы деятельности Н.И. Вавилова 1930-х-40-х гг вопреки официальной

1950-е годы тенденции забвения его имени. Ей персонально была посвящена статья «Из первых рук», опубликованная мной в журнале «Знание-сила» в 1987 г.. Как выяснилось позднее, и зарубежная переписка ученого, опубликование которой было осуществлено в 1990-е годы, базировалось, главным

образом, на ВИРовском архиве и документах, переданных в РГАЭ из ВИРА.

болезни, вызванной дистрофией... Он принадлежал к поколению создателей, выбитых из жизни репрессивной машиной сталинского времени нашей истории.

Подготовленные к юбилею материалы несколько опередили публикацию новых работ историков советского времени, посвященных

взятием «свобода слова...»). С другой стороны, празднование юбилея ученого, взрыв интереса к его личности, острота публикуемых материалов привели к тому, что в периодических изданиях, на страницах газет, радио- и телепередачах именно Н.И. Вавилова часто называли первым среди жертв репрессий.

дословно, но за точность передачи смысла я ручаюсь).

Вспомним также, что именно на торжественном заседании памяти Николая Ивановича Вавилова 24 ноября 1987 г. прозвучало слово официального осуждения лысенковщины: «Я уполномочен заявить, — сказал академик А. А. Никонов, — что современный состав ВАСХНИЛ осудил и отверг все, что связано с лысенковщиной».

Анализ читательской почты, полученной редакциями популярных изданий в пред- и послеюбилейное время, показал, что содержание научного творчества Н.И. Вавилова в значительной его части оставалось неизвестным широкому читателю даже в общих чертах. Хотя значение его исследований признавалось и признается в мире, в оценке его деятельности как организатора биологической и сельскохозяйственной науки в СССР, в контексте событий отечественной истории большое распространение получило мнение тех наших современников, которые, оглядывая прошлое с высоты 90-х, второпях относили Вавилова к числу общественных деятелей, бывших «в истоке всех несчастий — своих и наших», как писал об активных политиках 1930-х-50-х годов поэт Наум Коржавин (поэма «По ком звонит колокол»).

Трагедия же Вавилова, на мой взгляд, складывается не только из игнорирования его деятельности властью того времени, вплоть до осуждения на изоляцию и гибель, не только из некоторой идеализации им самим действительности, убежденности в том, что подъем сельского хозяйства в большей степени зависит от развития науки, чем от мер социального порядка, но и из недостаточного понимания его сегодня. Всплеск лысенковщины, наблюдаемый в настоящее, казалось бы, абсолютной доступности достоверной информации время (интернет, большое количество научных и научно-популярных изданий) имеет свои причины, анализ которых более уместен в специальной работе, подтверждает высказанное здесь положение.

Жизни ученого, положенной за идею реализации науки как фактора, преобразующего мир, не вернуть, но снять оттенок недооценки его гражданского и научного подвига — это значит отдать дань его памяти, и такую возможность давало тщательное исследование. Именно это было сделано в конце 80-х и в 90-е годы и я рада — прошу прощения за пафосность формулировки — что судьба дала мне возможность участвовать в этом процессе. Ход этой работы частично отражен в главе монографии «Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский...Биология в СССР: история и историография», опубликованной издательством Ассоциации Историков Российского Общества (АИРО) в 1995 г., и ряде более поздних статей.

Е.С. ЛЕВИНА,
доктор биологических наук,
ИИЕТ РАН

МЕНЯ ПРИГЛАСИЛИ В ГРУППУ

Инициатива принадлежала Комиссии по разработке научного наследия ученого («Вавиловской комиссии»)

по изучению и подготовке к опубликованию архива великого русского ученого

Н.И. ВАВИЛОВ.
1916 год

Память о деятельности Николая Ивановича ВАВИЛОВА в отечественной и мировой науке и события 1987 г., связанные с подготовкой и празднованием 100-летия со дня его рождения, неожиданно для меня оказали большое влияние на мою личную судьбу. В силу ряда

обстоятельств мне пришлось сменить профессию и стать историком науки. Теперь могу с уверенностью сказать, эта была счастливая перемена, хотя прежняя работа в области экспериментальной молекулярной биологии была успешна и очень интересна.

периоду перестройки и предшествовавшим событиям («Иного не дано», журнальные варианты исследований Д. Волгогонова и Р. Медведева, издания типа «Урок дает история», «Историки спорят» и др.), опубликованных в 1988–1989 гг. и позднее.

Следствия этого обстоятельства имели двойной характер. Во-первых, часть юбилейных материалов все еще следы недоговоренности, как, например, сборник воспоминаний об академике Н.И. Вавилове и его биография, 2-й том переписки ученого, из которого были все же изъяты последние его письма, и другие издания 1987 г.. В значительной степени это объясняется длительностью периода их издания на фоне той стремительности, с которой вступало в свои права прекрасное понятие «гласность» (правда, не вполне отождествляемое с более определенным демократическим по-

Значение самого юбилея для организации общественного мнения, содействующего последующей перестройке в политике и общественной жизни, трудно переоценить. В качестве примера можно привести ответ первого секретаря Кировского обкома партии во время его встречи с молодежью области, записанной на видеопленку и показанной по центральному телевидению (1988 г.). Секретарю обкома, человеку немалодому, немало лет отдавшему партийной работе и известному активисту перестройки, был задан вопрос: что именно заставило его, прежде работавшего в русле строгого партийного контроля, так решительно изменить свои взгляды. Его ответ был кратким и достаточно неожиданным: «Судьба Вавилова. Это было последней каплей.» (Ответ интервьюируемого приведен не

Е.С. ЛЕВИНА

Участники XIV Международного генетического конгресса (1978) у здания ТСХА. В центре Н.В. ТИМОФЕЕВ-РЕСОВСКИЙ. Крайний слева — проректор академии М.И. СИНЮКОВ, справа вверху — Ю.Н. ВАВИЛОВ, крайний справа — Ю.Б. КОНОВАЛОВ и А.И. АТАБЕКОВА

З.П. КОНСТАНТИНОВА, Ю.Н. ВАВИЛОВ, З.В. ВАВИЛОВА (жена ученого) (слева направо) на открытии XIV Международного генетического конгресса в Кремлевском Дворце съездов

Николай Иванович ВАВИЛОВ,

каким я его себе представляю и почему он мне интересен

Важность создания таких коллекций была осознана только к началу 1970-х г., когда значительная часть разнообразия культур была утрачена. Помимо этого, Н.И. Вавилов оставил ещё немало следов и в сельскохозяйственной науке, и в биологии. Но не менее яркий след остался в сердцах тех, кто с ним работал. Если не считать карьеристов и завистников, никто не мог устоять перед обаянием Николая Ивановича. Первое, что в нём покорило — его преданность делу. Она была такой глубокой и безусловной, что иногда даже вызывала смех. На заседании Географического общества, где Н.И. рассказывал о путешествии по Южной Америке, он сказал, как удобно для экспедиции, что самолёты там летают ночью. Когда в зале раздался смех, он растерянно спросил сидевшего рядом с трибуной коллегу: «Что я такое сказал?» «Вы, Николай Иванович, сказали, что удобно летать ночью: днём можно осматривать поля, а потом в самолёте разбирать результаты и строить новые планы». Про сон и отдых он забывал. Считал, что для учёной науки и личная жизнь неразделимы. Всю свою феноменальную работоспособность он отдал науке и людям, с которыми работал. А судить о его трудоспособности можно по тому, что после посещения им опытных станций все их сотрудники были в изнеможении. После отъезда Н.И. с о. Тринидад заведующий хлопководческой станцией С. Харланд дал сотрудникам трёхдневный отдых.

Покорял Николай Иванович и своей открытостью; покорял добродушным отношением и доверием каждому человеку с самого начала знакомства, он не различал — академик это или студент, его ближайший коллега, уборщица или сторож. Правда, человек, который хоть раз его обманул или как-то иначе показал свою неадекватность, переставал для Вавилова существовать.

У Н.И. была удивительная память на людей. Он мог исказить имя, но, встретив вторично человека, всегда помнил, где его видел, с чем была связана первая встреча. Если, например, слушал доклад — помнил его содержание. Он был всегда готов помочь и делал это незамедлительно. Быстрые его реакции и его действия всегда поражали. Пообещав что-нибудь, он брался за это сразу. Сразу и отвечал на письма. В крайнем случае писал: «Сейчас не могу ответить на Ваш вопрос потому-то; как только буду готов, напишу Вам ещё». Тем не менее он очень часто не мог сразу ответить. Тогда письмо начиналось словами: «Я только что вернулся... и прочёл Ваше письмо».

Неудивительно, что очень многие люди, знакомые с Н.И. Вавиловым, включали его в число своих самых любимых друзей. И доказали свою дружбу — одни тем, что пытались его вызволить после ареста, другие — сохраняли его рукописи, третьи — после реабилитации учёного, подготовив к печати его неопубликованные либо забытые работы и добившись публикации. И все — тем, что без просьбы и напоминаний, как только это стало возможным, понесли сыну Николая Ивановича Ю.Н. Вавилову свои воспоминания о его отце.

А что же сам Вавилов? Известно ли, кого он сам причислял к близким друзьям?

Во всём мире Н.И. ВАВИЛОВ известен как автор двух фундаментальных открытий в биологии и создатель живой коллекции культурных растений многих государств

Собор Парижской богородицы. Отсюда виден весь Париж. 1913—1914 гг.

Один из написанных Н.И. Вавиловым некрологов — посвящённый С.И. Жегалову, назван «Памяти друга и учителя»; другой, посвящённый его однокашнику Гавриилу Семёновичу Зайцеву — имеет подзаголовок «Памяти друга». Что же касается историков науки, то, знакомясь с его перепиской, они заметили единственного адресата Н.И. Вавилова, которому он писал не только о работе, но и о впечатлениях от экспедиций или прослушанных докладов. Этот адресат — профессор Саратовского университета, врач-гипнотерапевт и естествоиспытатель, Пётр Павлович Подъяпольский. Н.И. Вавилов часто бывал у него дома, когда работал в Саратове; они вместе основывали Саратовское отделение Русского Ботанического общества. Дети Подъяпольского (а их было семеро) потом вспоминали, что после ухода от них Н.И. Вавилова Пётр Павлович каждый раз долго не мог успокоиться: «До чего ж талантлив! Я таких не встречал!» Так вот этот самый врач приходится мне родным дедом.

Мама часто рассказывала мне о Вавиловых. Например, когда я должна была впервые одна поехать в поезд, мама предупредила меня: «Старайся не ходить из вагона в вагон. Это опасно. Николай Иванович, друг моего отца, отважный путешественник, возвращаясь из экспедиции, переходил из вагона в вагон, а света не было и там не оказалось мостков. Он повис на локтях и еле смог подтянуться. Сказал, что из всей опасной экспедиции это был самый страшный момент». Потом я прочла об этом эпизоде в «Пяти континентах». Правда, о том, что этот путешественник и есть великий Вавилов, она рассказала мне только в 1948 году, когда я стала понимать, что к чему в нашей стране.

Окончив в 1918 г. гимназию, мама на лето устроилась работать в Саратовское отделение Бюро прикладной ботаники к Николаю Ивановичу. Каждый день Николай Иванович обходил участки и осматривал все растения. Если ему что-нибудь представлялось интересным, он кричал «Все сюда!» Все бросали работу и сбегались к нему. И он увлечённо рассказывал всем, какое удивительное явление он встретил и почему оно удивительно. Все работавшие на участках были влюблены в своего руководителя. Но последних было мало: шла гражданская война.

Конечно, Николая Ивановича в семье Петра Павловича, а потом — нашей — очень чтили. Мы с мамой ходили в Большую Зоологическую аудиторию МГУ, когда там в 1957 г., впервые после реабилитации, состоялось собрание, посвящённое юбилею Н.И. Вавилова. Это было его 70-летие. Многие друзья Вавилова были ещё живы, выступали с воспоминаниями. Меня особенно поразило выступление Ф.Х. Бахтева, который был с Н.И. Вавиловым в экспедиции, когда того арестовали. Рассказывая про этот момент, он не закончил — разрыдался. В тишине зала послышались всхлипывания... Большинство слушателей знали и любили Николая Ивановича. Вернувшись домой, я досадовала, что не записывала. И 10 лет спустя на 80-летие Н.И. я подробно записала все выступления. Тогда были не одни воспоминания: каждый рассказал о какой-то стороне деятельности Н.И. и создалась довольно цельная картина его творчества. Свою запись я перепечатала на машинке, мама отнесла её на работу и отдала заведующей библиотекой Отделения общей биологии Академии наук Рите Ивановне Блау. Рита Ивановна повесила мою запись, и много дней биологи-читатели библиотеки тол-

смогут работать без помощи ВИРа. И тогда Тахтаджан от должности отказался. Через 2 года председателем Комиссии был утверждён И.А. Раппопорт, а меня официально утвердили учёным секретарём. Первое, что было после этого сделано — составлен и утверждён на Президиуме АН СССР Оргкомитет по проведению 100-летия Н.И. Вавилова.

В списке мероприятий, предложенных корреспондентами Н.Р. Иванова, было издание нового собрания сочинений Н.И. Вавилова. Ведь единственное издание «Избранных трудов» закончили печатать больше 20 лет назад. Но у Академии наук на это не было средств, да и ранее вышло постановление: собраний трудов не публиковать, только — отдельные сборники трудов. На заседании Комиссии решила выпустить сборники по иммунитету растений, теории селекции, географии, а по предложению В.Д. Есакова — и по организации науки. По моему предложению в список сборников включили «Закон гомологических рядов» и сборник о современном состоянии идей Н.И. Вавилова, что-то вроде «Идей Н.И. Вавилова в современной науке». По предложению Л.Е. Родина из Ленинградского Ботанического ин-та в список были включены «Пять континентов» Н.И. Вавилова и книга А.Г. Грум-Гржимайло «В поисках растительных ресурсов мира».

Мне пришлось перелопатить библиографию трудов Николая Ивановича, спланировать, что примерно должно войти в каждый сборник, чтобы Президиум АН мог утвердить названия сборников и их объём. Для Закона гомологических рядов, предполагая, что помимо одноимённых работ Н.И. туда войдут самые интересные отклики на выход этих работ, было выделено около 20 печатных листов; на сборник о современном состоянии идей, в котором не было ещё ни одной статьи — 40 листов... Потом искали, кто займётся их составлением. За иммунитет взялся специалист в этой области директор Ботанического сада АН СССР Лев Николаевич Андреев. За самое трудное — современное состояние идей — директор Ин-та цитологии и генетики в Новосибирске Д.К. Беляев (и назвал, будущий сборник «Вавиловское наследие в современной биологии», оставив археологию за бортом); Закон гомологических рядов взял саратовский член Комиссии В.И. Стуков. Он мудро решил, что нужен сборник о трудах Н.И. по генетике и под названием «Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости» подготовил его.

После юбилея было издание 6 томов Международной переписки Н.И. Вавилова и многое другое, но главным я считаю письмо в защиту знаний ВИР, которые хотели передать чиновникам-руководителям города: «Мировую коллекцию культурных растений с места трогать нельзя!»

М.Е. РАМЕНСКАЯ

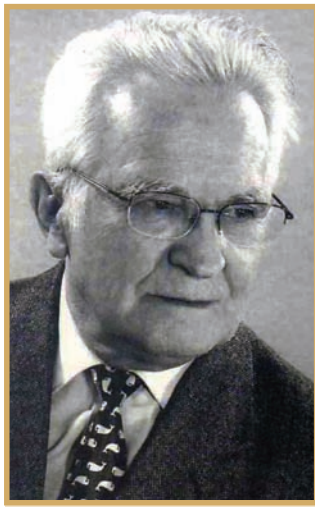
Во всех этих науках он выступал как новатор, в значительной степени определивший их дальнейшее развитие. Разносторонность его интересов вызвала удивление его современников, привыкших, как это распространено теперь, к узкой специализации. Один из учителей Вавилова — классик физиологии растений и агрохимии Дмитрий Николаевич Прянишников — при жизни ученого не раз говорил, что Вавилов — гений, но это не осознается лишь потому, что он живет рядом...

Не стоит рассказывать биографию классика биологической науки, время замалчивания его научного и гражданского подвига давно миновало, враги и хулители развенчаны, труды опубликованы, эпистолярное наследие — переписка, документы деятельности, воспоминания коллег и аналитические статьи его последователей, в которых отдана дань его научному творчеству, стали частью историографии отечественной науки.

Мне памятно время, когда я, работая над очерками истории организации науки в нашей стране, не будучи биологом, но профессиональным архивистом, столкнувшись впервые с материалами деятельности Вавилова, был поражен масштабами, увлеченностью, преданностью идеалам науки ученого и организатора, его романтическим патриотизмом и потрясен трагичностью его судьбы на фоне событий времени массовых репрессий 1930-х — 40-х годов.

Желание восстановить документально триумфальный и крестный путь великого человека заставило отложить другую работу и плотно заняться его биографией, рассматривая деятельность ученого в контексте времени. Естественно, возник контакт с биологами, и в начале 1980-х, когда большой материал уже был собран, осмыслен (несколько позднее — оформлен в докторскую диссертацию «Н.И. Вавилов и организация науки в СССР»), я был приглашен в организованную при ОБН АН СССР Комиссию по сохранению и разработке научного наследия Н.И. Вавилова. Одной из задач Комиссии стала подготовка материалов для публикации в связи с предстоящим в 1987 г. 100-летием со дня рождения ученого, основным же направлением была и остается теперь пропаганда научной школы Н.И. Вавилова, как части современной биологической и сельскохозяйственной науки.

Выдающийся ученый, деятельность которого пришлось на сложные послереволюционные годы

Автор этой публикации — ЕСАКОВ Владимир Дмитриевич, ведущий научный сотрудник Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН. Родился в Москве 8 сентября 1932 г. В 1956 г. окончил Московский государственный историко-архивный институт. Работал литературным редактором, старшим научным редактором, ответственным секретарем редакции журнала «Исторический архив». Закончил аспирантуру ИРИ РАН, в котором работает с 1956 г. Ученые степени: к.и.н. 1968 г.; д.и.н. 1990 г.

Н.И. ВАВИЛОВ

В истории мировой науки

Имя Николая Ивановича ВАВИЛОВА (25 [13] ноября 1887 — 26 января 1943) известно всем, кто хоть немного знаком с историей науки XX века. Широкое признание получили его многочисленные работы в области генетики, эволюционной теории, систематики, географии и экологии растений, фитопатологии и иммунологии, теории селекции.

в СССР, был еще и крупнейшим организатором науки, государственным деятелем деловой и трагической советской эпохи. Его заслуги получали в СССР высокую оценку. В 1926 г. он стал одним из пяти первых лауреатов премии имени В.И. Ленина*. В 1923 г. лет был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук, а 1929 г. — действительным членом Академии наук СССР. В том же году он был утвержден президентом организованной тогда Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина (ВАСХНИЛ). В 1930-1940 гг. — директор Института генетики АН СССР. Еще при жизни имевший славу великого путешественника, Н.И. Вавилов с 1931 г. — президент Географического общества СССР. В 1926-1935 гг. был членом Централь-

ного Исполнительного Комитета СССР — высшего органа государственной власти в советской стране до принятия Конституции СССР 1936 г., в 1927-1929 гг. — членом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК). Был также членом коллегии Народного комиссариата земледелия СССР.

Необычайно высок был и международный авторитет Н.И. Вавилова. В 1929 г. он избран членом-корреспондентом «Леопольдины» — Академии наук в Галле (Германия) и Чехословацкой академии с.-х. наук, почетным членом Британской ассоциации биологов, членом международного совета экспертов при Римском аграрном институте, в 1930 г. — почетным членом Британского общества садоводства, в 1936 г. — почетным доктором Высшей сель-

скохозяйственной школы в Брно и действительным членом Чехословацкой Академии наук, почетным членом Индийской Академии наук, в 1937 г. членом Шотландской Академии наук. Он состоял почетным членом Линнеевского общества в Лондоне, Американского общества физиологов растений, Нью-Йоркского географического общества, Американского ботанического и Мексиканского агрономического обществ, Шведского королевского геофизического общества, Испанского общества естествоиспытателей, почетным доктором Софийского университета (Болгария).

О своем избрании членом Лондонского Королевского Общества в 1942 г. Н.И. Вавилову, в то время

вестной книги М. Ильина «Горы и люди» (Л. Учпедгиз, 1935) и другие работы. Значительное место отведено им в монографии академика В.Л. Комарова «Происхождение культурных растений» (М.:Л. 1931 и 1938).

К 100-летию со дня рождения Н.И.Вавилова — 1987 г. — усилиями академической Комиссии была организована и осуществлена публикация массы материалов о его деятельности, как ранее неизвестных (эпистолярное наследие, воспоминания современников и др.), так и переизданных его избранных трудов. Материалы вызвали большой интерес в стране и за рубежом, т.к. в них были представлены все грани таланта Н.И. Вавилова и получила отражение полная его биография.

В это время работа над вавиловской тематикой занимала практически все мое время и, признаться, оглядывая теперь ее результаты, я испытываю удовлетворение сделанным. Библиография «вавилотоведения», как стали говорить к этому времени, дополнялась очень значительными материалами.

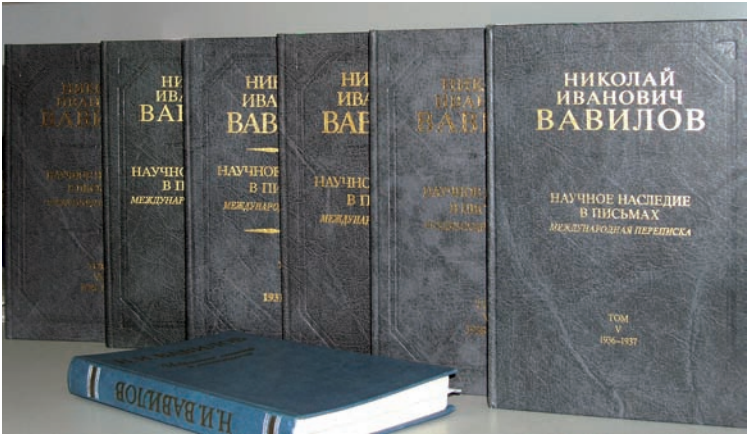
Что касается Вавиловской комиссии, работа этой академической организации продолжается. Штабквартирой «вавилотоведов» и энтузиастов — историков и биологов, общественных деятелей и интересующихся историей отечественной науки неспециалистов, стал кабинет-музей Николая Ивановича Вавилова в Институте общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН, которым заведует и замечательно в нем работает Татьяна Борисовна Авруцкая. Здесь традиционно проходят научные семинары и неформальные встречи людей разных научных специальностей, которые находят в сообществе профессионалов — биологов и историков науки — много интересного и поучительного. Совсем недавно мы с ней отыскали среди материалов, еще неиспользованных в работе, любопытные материалы из документов сотрудников Николая Ивановича. Так случилось, что память об этом замечательном человеке, не отпускает тех, кто однажды позволил себе погрузиться в изучение его героической биографии и, кто знает, может быть будут еще новые находки и исследования...

P.S. В качестве приложения приношу фотокопии протокола избрания Николая Ивановича Вавилова членом Королевского Общества в Лондоне. Снимки сделаны д.б. н. Е.С. Левшиной во время работы в Архиве Королевского общества в 2002 г. и ранее не публиковались.

Члены комиссии РАН по сохранению и разработке научного наследия академика Н.И. ВАВИЛОВА. После одного из заседаний члены Комиссии спустились в этот уникальный кабинет-музей института общей генетики имени академика Н.И. Вавилова РАН

Протокол об избрании Н.И. ВАВИЛОВА членом Королевского Общества в Лондоне

Общеизвестно, как много успел сделать Н.И. Вавилов за 30 лет после окончания Московского сельскохозяйственного института в 1911 г. до ареста 6 августа 1940 года. На базе Бюро прикладной ботаники, руководство которым ему было поручено после смерти заведующего Р.Э. Регеля, он организовал Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур (ВИПБ и НК), впоследствии преобразованный в Институт растениеводства, знаменитый ВИР; он был главным организатором Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ, ныне РАСХН) и руководил ими. Он преобразовал лабораторию генетики, основанную Ю.А. Филипченко, в институт и организовал его работу. В 1930 г. был избран президентом Географического общества. Помимо организации и редактирования огромного числа изданий этих учреждений, до 1935 г. в правительстве представлял и отстаивал интересы сельхознауки. Как учёный ещё более известен. Его два фундаментальных открытия — Закон

гомологических рядов в наследственной изменчивости и Центры происхождения культурных растений, которые изучают в средней школе, используются международными организациями по сельскому хозяйству и продовольствию, помимо них он разработал теорию иммунитета растений к инфекционным заболеваниям и теорию интродукции растений. А сколько открыл новых форм и даже видов культурных растений!

ВИПБ и НК — ВИР Н.И. Вавилов направил на осуществление грандиозного плана по созданию и изучению мировой коллекции культурных растений. К моменту его ареста коллекция насчитывала около 250 000 образцов, из которых добрая половина была собрана лично Н.И. Вавиловым. Он организовывал экспедиции как в стране, так и за рубежом. Посетил свыше 45 зарубежных государств.

Такая огромная работа была проделана им благодаря не только его неутомимой работоспособности, сколько стилю его организационной деятельности. Н.И. Вавилов привлекал к работе самых квалифицированных специалистов, вчерашние студенты под его руководством быстро превращались в таких специалистов. «Мы должны стоять на глобусе или даже немного выше» — это его любимое выражение означало, что необходим глобальный подход ко всем вопросам и уровень исследований, равный, либо — более высокий, чем достигнутый мировой наукой.

Важную роль в его организационной деятельности занимала переписка. Ежедневно, начиная с конца 1920-х гг., если не находился в экспедиции, Н.И. Вавилов просматривал почту и диктовал письма двум стенографисткам. Одна, Н.М. Шаллерт,

Международная переписка

Николая Ивановича Вавилова

Важную роль в его организационной деятельности занимала переписка. Ежедневно, начиная с конца 1920-х гг., если не находился в экспедиции, Н.И. Вавилов просматривал почту и диктовал письма двум стенографисткам

наследия 1928 — 1940 гг. М.: Наука, 1987].

Вскоре после юбилея Н.И. Вавилова бывший зав. Управлением внешних связей Академии наук Степан Гаврилович Корнеев (1912—2003) обратил внимание, что в материалах архивов Управления за 1920—30-е гг. чаще других упоминается имя Николая Ивановича. Он узнал, что основной массив материалов зарубежной переписки учёного хранится в ЦГАНТД СПб, и с помощью Вавиловской комиссии добился постановления Президиума АН СССР о публикации этой переписки под его руководством. Постановление не было отменено после распада СССР. В самые тяжёлые годы не прекращалось финансирование для подготовки писем к изданию. В работе над изданием участвовали сотрудники Института истории естествознания и техники Академии наук (ныне ИИЕТ РАН), сотрудники ВИР, ЦГАНТД СПб, члены Вавиловской комиссии.

Издание, т.е., работу редактора и типографии, финансировали ВИР, Институт общей генетики (ИОГен), ИИЕТ, Главный ботанический сад РАН. Шеститомное издание выходило в свет в течение 10 лет. [Н.И. Вавилов. Научное наследие в письмах: международная переписка. М.: Наука. Т.т. I—VI].

Структура издания была принята та же, которую избрал В.Д. Есаков для публикации переписки с соотечественниками. В конце тома помещены комментарии и указатели — развёрнутый именной, географический и — растений. Однако, в отличие от писем к соотечественникам, международная переписка выпущена отдельной серией и включает не толь-

ко письма Н.И. Вавилова, но и письма, адресованные ему. Последних оказалось значительно больше. Это связано как с тем, что на часть писем, преимущественно в отсутствие Н.И. Вавилова, отвечал секретарь или специалисты ВИР, так и с тем, что часть писем утрачена в результате ареста учёного и обысков. Известно, среди изъятых у Вавилова при обысках документов уничтожено 9 папок переписки, 2 папки с письмами на его имя, 92 папки с черновыми рукописями о зарубежных экспедициях и 8 — с различными рукописями учёного [Суд палача: Николай Вавилов в застенках НКВД. Биографический очерк. Документы. М.: academia, 2000. 552 с. С. 492—493].

Первый том Международной

комментариях приведены необходимые сведения не только о самих письмах, но и об упомянутых в них событиях.

Передки письма иного содержания. Например — просьба к Н.И. прочесть лекцию [такие письма содержат части 2 томов II, письма №№ 575 из Чехословакии, 572 — из США; т. III, письма №№ 58 (из Дании), 354 — из Франции и др.]; или написать статью [ч.2 т. II, №544 — из Японии, 579 — из США, т. III, № 99 — из Франции, т. IV № 244 и т. V, № 203 — из Индии и др.]; сообщение об избрании Н.И. Вавилова членом научного общества. Например, ч.2 т. II № 310 — выдвижение в члены-корреспонденты с.-х. академии Чехословакии; № 433 — избрание членом Испанского Королевского

общества естественной истории; т. III ч. 1 — Н.И. Вавилов благодарит за избрание его почётным членом: № 25 — Королевского общества садоводства в Лондоне, № 128 — Общ. Садоводов Франции; т. VI, ч. 2, № 29 и примеч. — избрание почётным членом основанной академии наук Индии и др. (В данном случае приведены письма, сведения из которых до издания переписки как правило, не были известны). Со своей стороны Н.И. Вавилов извещает об избрании членами Академии наук иностранных учёных, например, Т.Х. Моргана, Г.Ф. Осборна и В. Бетсона [т. I, ч. 1, № 102]; Моргана и Гуто де Фриза — почётными членами Академии [т. III, ч. 1 № 118]. Или Н.И. предлагают быть членом-учредителем Международной с.-х. академии в Риме [т. III, № 614]. Изредка у Вавилова просят характеристику какому-либо исследователю [напр., т. II ч. 2, № 89] или он пишет рекомендацию претенденту на стипендию фонда Гугенгейма. Порой его просят об этом сами соискатели [т. III, ч. 2, № 221]. Фонд Гугенгейма, основатель которого капиталист из США (как это сделал Нобель) завещал средства на развитие науки, существует и поныне. Стипендия этого фонда позволяет учёному пройти стажировку в какой-либо крупнейшей лаборатории мира. По ней проходили стажировку у Т.Х. Моргана русские учёные Ф.Г. Добржанский, Г.Д. Карпеченко, А.Р. Жербак. В 2009 Фонд выделил средства на установку памятника своему стипендиату Г.Д. Карпеченко в г. Вельске.

Особый интерес для нас представляет переписка с соотечественниками, находящимися за рубежом. Так, мы узнаём, что толкнуло Ф.Г. Добржанского остаться в США [см.

«Я попал в русский плен» — шутил Томас МОРГАН. Слева Н.И. ВАВИЛОВ, крайний справа — Н.В. ТИМОФЕЕВ-РЕСОВСКИЙ. США 1932 г.

т. II, ч. 1, № 46 и ч. 2, № 147]; узнаём, что все попытки многих эмигрантов, вернуться на родину были тщетны. Узнаём их горячее стремление принести покинутой родине пользу и детали их отношений с не доверяющей им советской властью. В их числе — студент-химик из Римского университета Моисей Натанович Гайсинский, впоследствии — директор Института Марию Кюри в Париже. Он много помогал Н.И. Вавилову во время его экспедиции по странам Средиземноморья (1926 — 1927 гг.), а позже Н.И. снабжал его научной литературой на русском языке. Среди них — агрономы: Н.А. Безсонов в Париже, В.М. Бензин в Праге; энтомолог Д.Н. Бородин, организовавший по поручению Н.И. отделение Бюро прикладной ботаники в Нью-Йорке, через которое приобретено много семян, в том числе — каучуконоса гваюлы; фитопатолог М.О. Шаповалов и многие другие. Вся переписка уложилась в годы между двумя мировыми войнами и отражает историю. Так, в первом томе многие письма Н.И. Вавилова повествуют о трудностях первых лет при советской власти и успехах отечественной науки в эти годы; третий том, пришедший на годы «великой депрессии», сменившей экономический кризис, полон писем с просьбой предоставить их авторам работу. Последние тома содержат небольшую часть писем, связанных с организацией 7-го Международного генетического конгресса, который должен был состояться в СССР. Они отражают начало вмешательства советской власти в дела науки [напр., т. V, № 313]. Полностью переписка, относящаяся к этому конгрессу, опубликована в «Вопросах истории естествознания и техники» [2005, № 4, с. 3 — 63]. В эту публикацию включены и международная, и внутренняя переписка, и другие документы, касающиеся конгресса.

Совершенно неожиданны и не похожи друг на друга письма, относительно научных и организационных вопросов. Очень интересно письмо почвоведом А.Т. Кирсанова из зарубежной командировки с впечатлениями о высокой культуре сельского хозяйства Голландии [т. I, ч. 2, № 197].

Хочется остановиться на консультациях, которые совершенно безвозмездно посылали через границу друг другу учёные разных стран. Конечно, Вавилов с такими просьбами обращается гораздо реже, чем различные исследователи — к нему. Мы можем прочесть предлагаемые Н.И. Вавиловым программы работ по исследованиям пшеницы в Испании, [т. , ч. 2, № 94, отв. на № 228, ч. 2], по прикладной ботанике в Иране [т. IV, ч. 1, № 130]; описание работ по интродукции растений, проводимых ВИРОм, для Индии [т. IV, ч. 1, № 88 — свыше 6 машинописных страниц]. К Н.И. обращались с вопросами и получали ответы о том, какие растения нужно выращивать при освоении пустынь [т. II, ч. 1, № 208] или высокогорий [т. III, ч. 1, № 109]. Некоторые из этих писем приводятся в приложении. И надо отдать должное зарубежным учёным: когда в нашей стране возник вопрос об организации карантина растений и Н.И. обратился в Бюро растениеводства США за опытом, то ему, помимо литературы, была прислана подробная машинописная инструкция на 9 страницах [т. III, ч. 2, № 385].

Хочется остановиться на восторженных отзывах некоторых корреспондентов о деятельности Н.И. Вавилова, о нём самом (в приложении приведены некоторые отзывы эмоциональных латиноамериканцев) и о нашей науке. О последнем наиболее ярко говорит письмо генетика Д.Ф. Джонса из США: «Я думаю, придёт время, когда мы вынуждены будем учить русский язык».

Увы, советская власть сделала всё, чтобы это время отдалилось неизвестно насколько. Задача нынешних студентов в годы их будущей деятельности — приблизить его вновь.

Н.И. ВАВИЛОВ изучал культурные растения и собирал коллекцию в 40 странах

Абиссиния	Италия	Сирия
Алжир	Канада	Сальвадор
Аравия	Кипр	Сомали
Аргентина	Китай	США
Афганистан	Колумбия	Тайвань
Болгария	Корея	Тринидад
Боливия	Коста-Рика	Трансиордания
Бразилия	Крит	Тунис
Великобритания	Куба	Уругвай
Германия	Марокко	Финляндия
Голландия	Мексика	Франция
Гондурас	Никарагуа	Чехословакия
Греция	Палестина	Чили
Дания,	Панама	Эквадор
Иран, запад и север	Перу	Швеция
Испания,	Португалия	Япония

Письма в Москву. Письма из Москвы

Из письма № 197 от А.Т. Кирсанова — к Н.И. Вавилову из Берлина 17 апреля 1924 г.

...Только неделю тому назад вернулся из Голландии. <...> Видел почвы и земледелие на Поморье и на дюнах, на болотах низинных и верховых, находящихся в культуре около 300 лет. Видел поля, только в 1924 г. отвоеванные у моря, наряду с такими, где уже около 200 лет стоят дамбы. <...> Был и на крестьянских дворах. Видел половики на скотных дворах при 20 гектарах владения. ... кругом высокая культура, достижения, но нет природы... в конце концов получается впечатление аракеевщины. <...> там можно встретить крестьян, которые Вам расскажут, как у него на поле овёс страдал от колониальной болезни, создаваемой исключительно неподходящим рН почвы, как он вносил известк и удобрения, как у него изменялось рН в почве, и в книжке укажет, как было рН три года назад и каково теперь. ... Я сам был на опытном поле, которое содержится крестьянами на их средства... ...Задачу ставят сами хозяева. Агроном указывает, как к ней подойти с опытом, а хозяин ведёт по этой программе опыт.

№ 94. Н.И. Вавилов 31 мая 1928 г. к Х.Дель Канисо, Испания

Вы спрашиваете меня о программе изучения зерновых. Мне представляется очень важным подготовить ботанический обзор разновидностей, выращиваемых в Испании. Как я понял, кроме М. ЛаГаски нет других работ по зерновым с точки зрения их ботанико-агрономической характеристики.

Вашей стране ещё сохранились области, полностью изолированные с разновидностями, мало известными даже в самой Испании. Мне представляется необходимым применить в этих исследованиях ботанический метод, что в Испании важно особенно, так как в Вашей стране имеется огромное количество видов и разновидностей.

Явно недостаточно дать детальное описание без ботанической классификации. В Испании много эндемичных видов. Районы с *Triticum spelta*, *Triticum toposocum* и *Triticum turgidum* особо интересны с точки зрения географии мировых пшениц. Со следующей почтой я Вам пошлю наши работы о пшеницах. Мы Вам отправим всё, что у нас опубликовано о пшеницах. В наших «Трудах по прикладной ботанике» каждый год выходят работы по зерновым культурам и по вопросам классификации, которые могут быть Вам в той или иной степени полезны.

Примите, коллега, мои самые искренние добрые пожелания.

Преданный Вам Н.И. Вавилов

№ 208. Н.И. Вавилову от О. Шевалье, Франция 2 мая 1928 г.

...семена саксаула и пяти других видов растений из пустынь Туркестана пришли ко мне в двух посылках, и я Вам бесконечно благодарен за них. <...> Ваша посылка представляет для меня огромный интерес, так как мы приступили во Франции к созданию железной дороги через Сахару, и нам, конечно, надо будет сажать полезные растения в районах, через которые она пройдёт...

Из комментария: Дорога не была построена; начатый отрезок (менее 200 км) кончался на станции Абадда, у границы Алжира с Марокко.

№ 109. От Н.И. Вавилова Бампсону Кью, Великобритания, 12 марта 1932 г.

Я сомневаюсь в том, что так высоко, на высоте 17 000 футов на Тибете можно выращивать плодовые культуры, имеющие какое-либо хозяйственное значение. Мы можем утверждать, что даже на высоте 12 — 13 тысяч футов плодовые деревья не растут. Даже такие выносливые растения, как, например, голозёрный ячмень, не выращиваются на Тибете на высотах свыше 15 500 — 15 800 футов.

Поэтому мы вряд ли можем порекомендовать Вам какое-либо высоко-рослое дерево, хотя Вы можете испытать некоторые полярные плодовые и ягодные культуры, но это, конечно, представляет небольшой интерес.

При этом тоже нет уверенности, что эксперимент будет иметь успех, так как условия — влажность и почва Тибетского высокогорья — совершенно отличаются от условий севера.

Можно испытать следующие растения:

1) *Sorbus sambucifolia* — растёт в субальпийской зоне гор Камчатки на песчаной и каменистой почвах (из комментария: рябина бузинолистная).

2) *Ribes pteraeum* — растёт в лесотундре (из комментария: горная красная смородина).

3) *Rubus melanolasius* — растёт в лесотундре (из комментария: малина чёрноволосистая).

Страны, где Н.И. ВАВИЛОВ не был, но где исследовали культурную флору и собирали коллекции по его поручению его помощники

Индия, Цейлон, Ява — В.В. МАРКОВИЧ; Турция — П.М. ЖУКОВСКИЙ; Монголия, Норвегия — В.Е. ПИСАРЕВ; Иран, восточная часть — Е.Г. ЧЕРНЯКОВСКАЯ; Египет — ГУДЗОНИ; Северная Италия, Сицилия, Сардиния — М.Н. ГАЙСИНСКИЙ; Мексика — южная часть и полуостров Юкатан Коста-Рика — И.Л. КЕССЕЛЬБРЕННЕР

Помощники Н.И. Вавилова исследовали и те страны, где Н.И. Вавилов бывал, например, В.В. Маркович посетил Палестину, С.М. Букасов и Ю.Н. Воронов изучали Мексику, Колумбию и другие страны Южной Америки, а также США.

Н.И. Вавилов получал с помощью переписки дополнительно к собраным им лично образцы из тех стран, которые успел посетить, т.к. в результате посещений он везде завязывал контакты. Только путём переписки образцы или сведения о культурной флоре получены также из ряда зарубежных стран.

4) *Rubuschamaetorus* — самая северная из всех ягод, растёт в торфяных мшиниках даже на Новой Земле, иногда созревает. (из комментария: морошка).

5) *Vaccinium uliginosum* — растёт близ лесотундры (из комментария: голубика).

6) *Vaccinium vitis idaea* — не доходит до Новой Земли (из комментария: брусника).

Кроме того, Вы должны учитывать тот факт, что семена этих северных ягодных растений прорастают очень медленно, в особенности это относится к семенам всех растений *Vaccinium*. Чтобы ускорить их прорастание, рекомендуется держать семена некоторое время в парах эфира.

Если в Вашем распоряжении нет семян этих растений, то мы могли бы прислать их Вам осенью, после сбора нового урожая, т.к. в настоящее время все наши запасы кончились.

Искренне Ваш Н. Вавилов.

№ 113. От Н.И. Вавилова Шоу, Канада, 26 марта 1932 г.

...наряду с отдельными институтами, каждый из которых имеет собственную библиотеку по вопросам своей специализации, имеются ещё две общие библиотеки: одна в Ленинграде (приводится адрес), — ведущая сельскохозяйственная библиотека в Советской России, и другая библиотека в Москве (адрес).

Все эти организации и обе общие сельскохозяйственные библиотеки принадлежат Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина, которая представляет собой объединение всех сельскохозяйственных научно-исследовательских учреждений СССР.

<...> всего у нас в научных исследованиях занято около 12 тысяч человек, и из этой цифры Вы можете заключить, что имеется большая заинтересованность в литературе...

№ 511 от Исидора Е. Пастора, Аргентина, Н. Вавилову, 21 февраля 1933 г.

Был чрезвычайно обрадован, получив Ваше любезное письмо из Нью-Йорка от 31 января, которое я высоко ценю, так как оно переносит меня в счастливые и плодотворные минуты, проведённые вместе с Вами во время Вашего пребывания (столь кратковременного) в нашей молодой Аргентине. Мы всегда вспоминаем Вас с величайшей любовью, особенно, когда встречаемся с... (перечисляет своих коллег).

Что касается гибрида пшеницы и ржи Уильямсона, в котором Вы так заинтересованы, я высылаю Вам пакет с большим количеством образцов колосьев. (называет образцы высылаемых им растений) <...>

№ 585, от А.Б. Фагундеса, Бразилия, Н. Вавилову, 28 июня 1933 г.

... те несколько дней, которые Вы провели с нами, мы никогда не забудем. Мы сожалеем, что Вы провели время здесь в такой спешке, поскольку мы продолжим нуждаться в здоровой критике, которую может высказать только человек с Вашей проницательностью и опытом.

№ 130. От Н.И. Вавилова к И. Карабаги, Иран, 14 июня 1935 г.

Иран представляет собой огромный интерес по исследованию культурных растений. <далее следуют сведения о его изученности Вавиловым и сотрудниками и обещание соответствующей литературы>

Надо собрать как можно больше колосковых образцов. На пшеницу надо обратить особое внимание, как богарную, так и поливную. Как надо вести исследования, Вы можете судить по моей книге об Афганистане, которую я Вам посылаю. <...> такая работа по Ирану крайне нужна. В ботаническом определении мы Вам с большим удовольствием поможем...

№ 263. От С. Брукема, Голландия к Н.И. Вавилову, 13 сентября 1935 г.

... Вы без сомнения, знаете, что Зюдерзее перекрыта дамбой и будет освоено три больших польдера. Один из них, Верингермер, уже сдан в эксплуатацию. Следующий на очереди, «Ноордстпольдер», вероятно, будет осушен в 1940 г., его площадь 48 тыс. га, большая часть почвы представляет собой вязкие глины. Вся эта площадь будет готовиться к использованию за период с 1943 по 1952 г., примерно по 6 га в год, так что значительная часть территории будет оставаться свободной в течение ряда лет. Эта влага уходит довольно медленно, и желательно поселить здесь растительность, безвредную для этих почв.

Во-первых, ... это очень сильно улучшает состояние почвы.

Во-вторых, ... незасеянная почва имеет свойство зарастать сорняками, которые очень трудно вывести, когда почва эта будет обрабатываться как пашища.

№ 12. От Н.И. Вавилова в адрес С. Брукема, Голландия, 26 января 1936 г.

Уважаемый коллега, Вы задали очень сложные вопросы... В общем, в нашей стране, где так много земли, мы не считали необходимым пытаться преодолевать подобные проблемы. В настоящее время у нас обрабатывается только около 7% земли. Даже наши степные регионы с чернозёмными почвами полностью не используются, не говоря уж о лесных районах в Сибири. Поэтому боюсь, что здесь нет никого с опытом по этой проблеме. Однако, я поставлю Ваши вопросы перед руководителем нашего отдела кормовых культур [Е.Н.] Синской и некоторыми другими нашими специалистами, и, возможно, они смогут дать Вам некоторые советы.

Искренне Ваш, Н. Вавилов, директор.

Публикации подготовила М.Е. РАМЕНСКАЯ

ЭТО БЫЛ ДОБРЫЙ И СМЕЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

Лев Николаевич АНДРЕЕВ — председатель Вавиловской Комиссии РАН в 1991 — 2006 гг.

Лев Николаевич согласился на бесплатную, но хлопотную должность председателя Комиссии. И всегда поддерживал наши начинания, так что работать с ним было приятно.

Лев Николаевич Андреев родился 5 ноября 1931 г. в Саратове, но имени Н.И. Вавилова там не слышал. В самые мрачные времена — с 1949 по 1954 г. учился в Тимирязевской академии. Вполне возможно, что слушал лекции Лысенко, но ничего не подозревал. Лишь аспирантом в Главном ботаническом саду Академии наук он прочёл самиздатовскую рукопись Ж. Медведева «Культ личности в биологии» (вышла в 1993 г. в издательстве «Книга» под названием «Взлёт и падение Лысенко»), и долго не мог выйти из шока. Он был тогда уже членом КПСС. В 1960-х годах он даже работал в отделе науки ЦК. Там ему досталось быть экспертом рукописи С.Е. Резника «Николай Вавилов», написанной для серии «ЖЗЛ». Он понял, что в таком виде книга цензуры не пройдёт, вызвал автора и попросил его смягчить или убрать некоторые места, отмеченные карандашом и после исправления стереть карандаш. Автору было очень жаль этих удачных мест, он почти ничего не поправил, а карандаш стёр. Л.Н. страшно рассердился и передал книгу другому эксперту. Книга, вышедшая в 1968 г., пострадала гораздо больше, чем могла бы... она до сих пор остаётся лучшей биографией Н.И. Вавилова. Почему Андреев передал рукопись другому эксперту, С.Е. не понял и сохранил глубокую обиду на Андреева.

Л.Н. Андреев был специалистом по иммунитету растений и таким образом разрабатывал одну из сторон научного наследия Н.И. Вавилова. С середины 1980-х гг. он работал директором Ботанического сада Академии наук, сменив на этом посту основателя сада Н.В. Цицина. При подготовке к 100-летию со дня рождения Н.И. Вавилова Лев Николаевич взялся составить сборник трудов Н.И. Вавилова «Иммунитет растений к инфекционным заболеваниям», самый трудный из юбилейных сборников, намеченных к изданию

Комиссией по сохранению и разработке научного наследия Н.И. Вавилова. И этот сборник вышел уже в 1986 г., первым из юбилейных сборников. Не удивительно, что в 1991 г. мы обратились к нему с просьбой возглавить Комиссию.

К счастью, Лев Николаевич согласился на бесплатную, но хлопотную должность председателя Комиссии. И всегда поддерживал наши начинания, так что работать с ним было приятно.

Одно из начинаний было — издание шеститомного собрания зарубежной переписки Н.И. Вавилова. Инициатором был экс-глава Управления внешних связей при Президиуме АН СССР С.Г. Корнеев; его поддержали члены Комиссии, некоторые приняли участие в подготовке издания. Лев Николаевич участвовал во всех хлопотах по организации издания. Работал он как-то незаметно, казалось, что ничего не делает, а глядишь — и это получилось и то... По поводу выхода в свет первого тома переписки в 1994 г. начал разгораться конфликт, но Л.Н. сумел его погасить.

В 1997 г. он обнаружил в архиве письмо Н.В. Цицина против Лысенко, написанное Сталину 5 февраля 1948 г. Это был ответ на разосланное Сталиным письмо Лысенко с предложением о внедрении в сельское хозяйство ряда новых мероприятий. В их числе внедрение ветвистой пшеницы, посевов пшеницы по стерне, гнездовых посадок каучуконосов. Все предложения Лысенко Николай Васильевич Цицин подверг жёсткой и обоснованной критике. Лев Николаевич посчитал необходимым опубликовать этот документ, чтобы восстановить доброе имя своего предшественника на посту директора Ботанического сада. Когда Н.В. Цицин основал Ботанический сад, сад стал прибежищем для многих биологов, изгнанных с работы по приговору Лысенко, но тем не менее слава душиителя биологии, поддержанного Сталиным в одно время с Лысенко, и сторонника Лысенко за ним оставалась.

В тот момент архивы были открыты, но лишены дотаций и зарабатывали на публикации своих материалов. За право публикации документа Л.Н. в 1998 г., после девальвации рубля, заплатил архиву из своего кармана 5000 р., что соответствовало приблизительно 20 000 р. нынешним.

Главное же, что сделал Лев Николаевич как председатель Комиссии — выступил в защиту зданий ВИР, где с самого основания хранится вавиловская мировая коллекция культурных растений. В начале 2002 г. вышло постановление правительства, подписанное премьер-министром М.М. Касьяновым, о том, что ВИР и Исторический архив после строительства новых зданий должны передать свои здания для использования в качестве административных. Комиссия пыталась вмешаться, используя неформальные связи, но ничего не получалось. И тогда, уже в 2003 г., мы с Л.Н. Андреевым составили письмо в адрес В.В. Путина о том, что вавиловскую коллекцию категорически нельзя сдвигать с места. Письмо подписали Л.Н., Ю.Н. Вавилов и я; свою подпись Л.Н. заверил печатью Ботанического сада. Справку о коллекции он поручил написать мне. Наше ли письмо подействовало, многочисленными письменными протестами общественности, но Исторический архив давно переехал куда-то за пределы Санкт-Петербурга, а ВИР (надолго ли? — Пока на 10 лет) остался на месте.

Добродушный и спокойный с виду, Л.Н. остро переживал конфликты и несправедливости. К 2000 году сердце его уже куда не годилось. Он старался не ездить на метро: на их станции Новые Черёмушки не было эскалатора. Он умер 5 апреля 2006 г., и мы простились с телом Л.Н. Андреева в здании Президиума Академии наук.

М.Е. РАМЕНСКАЯ,
МГУ имени М.В. Ломоносова

Академик РАН, выпускник Тимирязевской академии 1954 года
Лев Николаевич АНДРЕЕВ

Главный корпус РГАУ — МСХА имени К.А. Тимирязева, бывшей Петровской сельскохозяйственной и лесной академии.
Ю.Н. ВАВИЛОВ (справа),
Л.Н. АНДРЕЕВ (слева)
и редактор газеты «Тимирязевка» Г.В. БЕЛЫХ
у мемориальной доски
Н.И. ВАВИЛОВУ

ДОСТОЙНЫЙ СЫН ВЕЛИКОГО ОТЦА

Елена Ивановна говорила Юрию Николаевичу, что его арестованный отец — большой учёный. Ещё в 1944 г., семиклассником, писал Юра брату Олегу, что они должны вместе «увечечить заслуги отца». И всё же, когда в Большой Зоологической аудитории МГУ отметили 70-летие со дня рождения Н.И. Вавилова, он был потрясён — какой крупной, мировой величиной в науке был его отец и как его любили. В этом он признался старой соратнице отца А.Ю. Тупиковой. После заседания многие его участники, а потом и другие соратники Н.И. Вавилова понесли Юрию Николаевичу рукописи своих статей и воспоминаний об отце. Ю.Н. нашёл редактора книжного издательства «Советская Россия» Марину Сергеевну Черникову, которая с энтузиазмом взялась готовить сборник воспоминаний. Под названием «Рядом с Н.И. Вавиловым» он вышел в свет в 1962 г., а затем и в 1973 г., дополненное новыми статьями, вышло второе издание.

Скоро Юрию Николаевичу стало привычным, что все его просьбы, связанные с увековечением имени отца, люди с энтузиазмом выполняют. Но он не знал, что он видел в них пример и сам был постоянно активен. А когда оказалось, что надо стоять и за честь имени Сергея Ивановича Вавилова, не Виктор Сергеевич, а он стал писать и публиковать статьи, разъясняющие и его место в науке, и его позицию в роли президента Академии наук. За много лет до этого, дядя однажды признался, что был бы счастлив быть слесарем в домоуправлении, а не исполнять эту должность.

После отставки Н.С. Хрущёва и «реабилитации» генетики в конце 1964 г., стало известно, что в архивах ВАСХНИЛ по инициативе И.И. Презента уничтожают документы, связанные с биологической дискуссией и, по-видимому — с именем Н.И. Вавилова. Юрий Николаевич обратился с письмом в ЦК КПСС к М.А. Сулову, который проверил сообщённые ему сведения и убедился, что материалы в архиве ВАСХНИЛ, в том числе — связанные с Н.И. Вавиловым, действительно уничтожаются. Обратился Ю.Н. Вавилов и в Президиум Академии наук к вице-президенту Н.Н. Семёнову, активному противнику Лысенко. Результатом этого визита было образование Комиссии АН СССР по сохранению и разработке научного наследия академика Н.И. Вавилова. Идея основания такой комиссии принадлежала первому вице-президенту АН СССР В.А. Кириллину. Много лет Ю.Н. был одним из самых деятельных её членов.

Физик по профессии, Юрий Николаевич занимался космическими лучами и не раз выезжал за рубеж с докладами по своей специальности. И каждый раз искал архивы, в которых могли бы храниться материалы, относящиеся к Н.И. Вавилову. Там он как сын учёного, тоже бывал благосклонно принят и материалы эти ему предоставляли, что было предметом зависти некоторых исследователей. Иногда ему удавалось попасть в командировку именно с целью искать материалы в архивах. Надо сказать, что и в наших архивах ему указывали на обнаруженные материалы, а порой удавалось найти и самому. И приходилось обращаться за помощью в подготовке их к публикации. Так возникла книга трёх составителей с публикацией документов НКВД, связанных с арестом Н.И. Вавилова, в том числе протоколы допросов, названная «Суд палача». Под палачом имеется в виду И.В. Сталин. За 50 с лишним лет набралось достаточно число публикаций и интересных встреч. Ю.Н. составил об этом книгу, и за короткий срок она выдержала 3 издания.

Ю.Н. Вавилов. В долгом поиске. Книга о братьях Николае и Сергее Вавиловых. М.: ФИАН, 2003. 336 с. Содержит английский перевод введения, заключения и главных материалов о Сергее Ивановиче Вавилове. Издание второе, дополненное и переработанное. М.: ФИАН, 2008. 318 с. Издание третье, стереотипное. Уралск, 2010. 318 с.

М.Е. РАМЕНСКАЯ

**ПОСТИЖЕНИЕ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ВАВИЛОВА
ЧЕРЕЗ БЛИЗКИХ ЕМУ ЛЮДЕЙ**

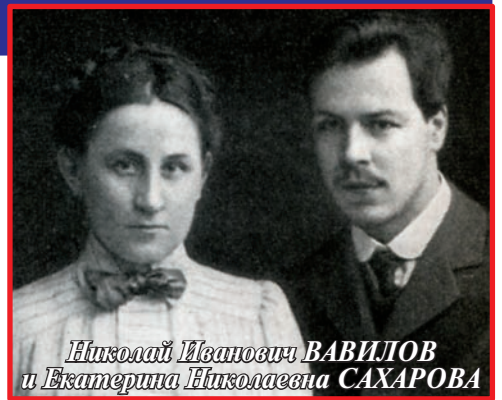
*Елена Ивановна БАРУЛИНА.
1920 год*

стала чечевица. Она была монографом этой культуры, ее непревзойденным знатоком. Доклад понравился присутствовавшему на юбилейном заседании сыну Е. Барулиной и Н. Вавилова —

Это, однако, не помешало ей стать самостоятельным и известным исследователем, оставившим немалое научное наследие, и оправдавшей звание ученицы Н. Вавилова.

А потом последовал бесценный подарок судьбы, вернее, подарок Ю.Н.Вавилова: более ста неопубликованных писем Н.И.Вавилова к Е.И.Барулиной. Читая их, разбирая почерк, перевода с англий-

ские годы - с юности до 1940 г. Даже после тяжелого для обоих развода они оставались связанными невидимой нитью отношений двух умных, многое вместе переживших людей. До конца жизни ей были бесконечно дороги знаки его внимания,

*Николай Иванович ВАВИЛОВ
и Екатерина Николаевна САХАРОВА*

«Ты лучшее из всего, что я видел»

личности как Вавилов. Ему, постоянно стремящемуся к совершенству и гармонии окружающего мира, убежденному в том, что «жизнь надо делать красивой», было очень не просто долгое время пребывать в «дисгармониях» между двумя главными женщинами своей жизни. В юности идеалом и воплощением совершенства стала для него Екатерина Сахарова, имевшая репутацию «одной из даровитых слушательниц — звезды Петровки». Но со временем, осознав, что его идеи и цели не интересны, а может быть, и чужды ей, он был сильно разочарован. И встретив женщину, готовую следовать за ним по самым крутым тропам научного знания, готовую делить с ним все трудности его бытия, он скажет ей: «Ты лучшее из всего, что я видел...»

Это была Елена Барулина.

Вот уже несколько лет через отдельные факты, письма, документы, а иногда и слова, через познание жизни близких и дорогих Николаю Вавилову людей, я постигаю его жизнь и считаю своим долгом донести это постижение до всех, кому он интересен и дорог.

Мargarита ВИШНЯКОВА,

*доктор биологических наук,
ГНУ ВИР Россельхозакадемии,
Санкт-Петербург*

О.Н.И. Вавилове я узнала в студенчестве. Это знание повлекло за собой прочное пленение обаянием гения и гнетущее, саднящее душу и не оставляющее чувство несправедливости и непоправимости содеянного с ним. Это чувство было как ком, находящийся где-то внутри, ощущаемый физически, и порою, казалось, мешающий дышать. Позднее пришло и осознание величия научного гения Вавилова. Это случилось после того, как счастливое стечение обстоятельств привело меня в аспирантуру созданного им и руководимого им некогда института — ВИРа. Института, названного его именем и известного в мире как вавиловский Институт растениеводства.

Именно со студенческих времен Николай Вавилов стал кумиром. Конечно же, не единственным. Кумиры возникали по жизни неоднократно. Ими становились и современники, и исторические личности: завладевали умом и сердцем, сияли с разной степенью интенсивности, потом бледнели, порою меркли... Но Вавилов стал кумиром навсегда. О том, что я буду писать о нем, когда-то и помыслить не могла.

Но однажды, снова в силу счастливого стечения обстоятельств, пришлось сделать юбилейный доклад о его ученице, соратнице и жене — Елене Ивановне Барулиной. Она многие годы работала в отделе зернобобовых культур ВИР, заведовать которым я имею честь, и была специалистом по этим культурам, главной из которых для нее

Юрию Николаевичу Вавилову. Он попросил меня написать статью о Елене Ивановне. С этого и началась моя «вавилониана».

Поиски материала для статьи об Елене Ивановне Барулиной обескуражили меня малостью той информации, которая о ней сохранилась. Немногочисленные архивные документы, краткие сведения, спорадически разбросанные по историографическим сводкам о Вавилове, и его письма к ней, опубликованные иногда непросто и обрывочно — вот и все. Собранный по крохам материал лег в основу моей первой книги о Е. И. Барулиной — «Милая и прекрасная Леночка...» Но в процессе написания этой книги меня не оставляло ощущение, что я пишу не столько о Барулиной, сколько о Вавилове. Елена Барулина была словно кристалл, сквозь который проходили лучи, фокусируясь на Николае Вавилове. Сначала мне казалось, что это обусловлено именно скудостью информации о ней и преобладанием уже немалого приобретенного знания о Вавилове. Но потом я поняла, что, по сути, так и было: невероятная преданность и следование идеям и идеалам мужа - до самозабвения и самоотречения, необыкновенная скромность, отсутствие каких-либо амбиций, связанных со званием жены великого человека, и безоглядная любовь к нему были свойственны Елене Ивановне Барулиной. Находясь рядом с таким ярким светилом, как Вавилов, она невольно оставалась в его тени.

ского, поскольку многие письма Вавилова к Барулиной написаны по-английски, я ощущала себя единственным человеком в мире, посвященным в чувства своего кумира. Это было огромное богатство. Этим нельзя было не делиться. И я уже не могла не писать о Вавилове. Последовала работа над публикацией этих писем, затем - над вторым изданием книги о Елене Барулиной... Случилось также писать о людях из близкого окружения Н.И.Вавилова — его самых преданных соратниках: Георгии Дмитриевиче Карпеченко, Леониде Ипатьевиче Говорове, о которых также до обидного мало известно нашим современникам... В этих работах, конечно же, зримо присутствовал Николай Иванович Вавилов.

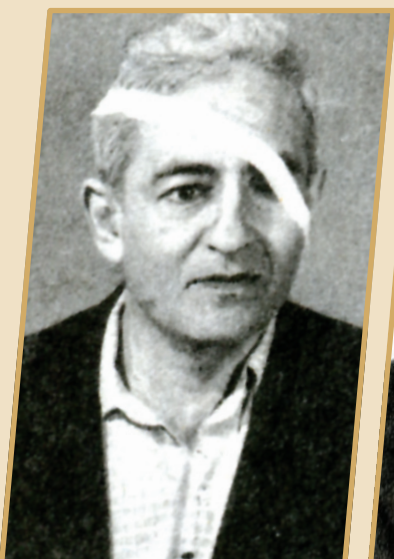
И вновь счастливое, но отнюдь не случайное стечение обстоятельств: знакомство с внучатой племянницей Екатерины Николаевны Сахаровой — сокурсницы, друга и первой жены Н.И.Вавилова — Татьяной Клычковой. Эта женщина, ставшая моим соавтором и моей подругой, живет и работает в Москве. Именно она, неравнодушная к истории своей семьи, подвигла меня на новую работу о Н.И.Вавилове. Строго говоря, это работа об Екатерине Сахаровой, незаслуженно обойденной вниманием историографов. Но в процессе воссоздания ее жизни и деятельности в очередной раз по крупицам приходилось восстанавливать жизнь Вавилова, в которой Е.Н.Сахарова присутствовала дол-

подарки, его участие в воспитании сына Олега. И еще один символический штрих, вряд ли отмеченный предыдущими исследователями. Почти во все свои длительные отлучки: экспедиции, поездки по стране и за рубеж Николай Иванович отправлялся из Москвы, из родительского дома, где Сахарова прожила до своей кончины. Сначала в доме на Средней Пресне, потом в полученной им квартире на Грузинском Валу. И получилось так, что она вольно или невольно, провожала его. В последнюю его поездку на Западную Украину в июле 1940 г. он также уезжал из дома, где жили его старший сын и бывшая жена. Они были последними родными людьми, видевшими его живым...

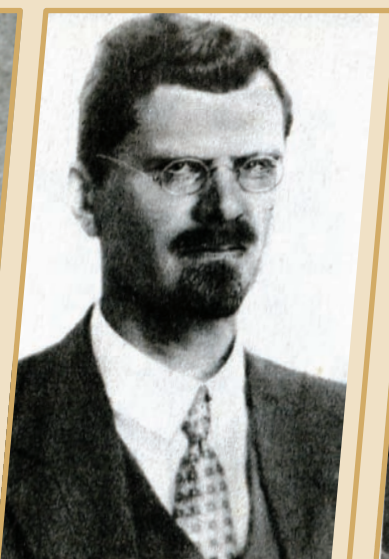
Исследование, посвященное Е.Н.Сахаровой, было основано на архивных документах РГАЭ, семейном архиве и на материалах ее публицистической деятельности. И как приятен был наш азарт исследователей, когда в процессе этой новой работы вдруг возникали неизвестные ранее факты о Вавилове. Пусть эпизодические и далеко не судьбоносные мелочи, тем не менее, делающие его еще ближе и понятнее.

Именно так: от истории любви к женщине, ставшей второй женой, к сложным и неоднозначным взаимоотношениям с первой избранницей гения развивалась моя «вавилониана». Я осознаю, что взяла на себя большую смелость: анализ и комментарий чувств к спутницам жизни такой великой

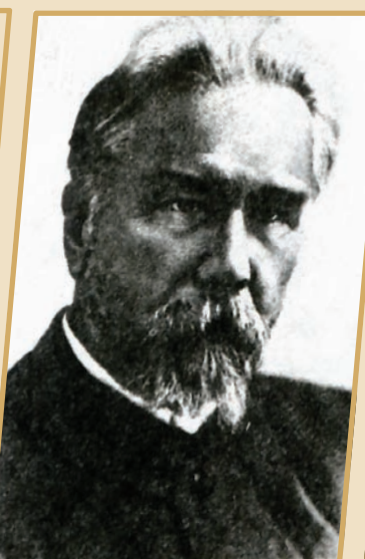
Сподвижники и коллеги Н.И. ВАВИЛОВА

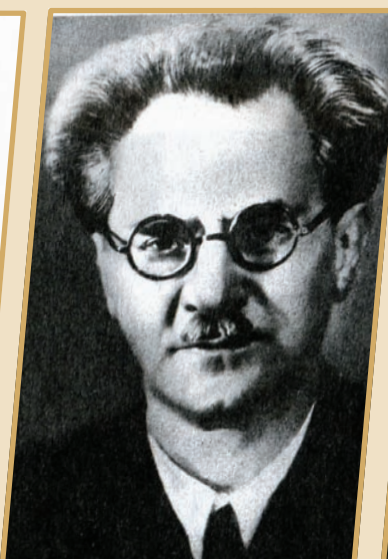
И.А. РАПОПОРТ

С.С. ЧЕТВЕРИКОВ

А.Г. ДОЯРЕНКО

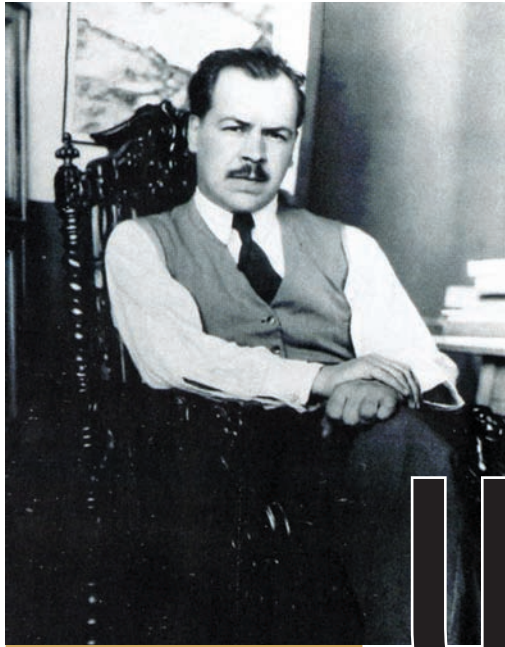
М.М. ЗАВАДОВСКИЙ

Д.А. САБИНИН

Фото из книги Жореса МЕДВЕДЕВА «Взлёт и падение Лысенко»

Долгое время существовала легенда, что Трофим Лысенко, с 1938 по 1956 г бывший президентом ВАСХНИЛ (организованной на основе вавиловского Института опытной агрономии 1929-м году), в послевоенные годы своего административного господства в сельскохозяйственной и биоло-

Н.И. ВАВИЛОВ
в своем кабинете в ВИРе

гической науках уничтожил архив Вавилова. По счастью, оказалось, что это не так: историк В.Д. Есаков в середине 60х гг, работая над темой «Государственное руководство наукой в годы первых пятилеток», просмотрел в ГАРФе фонд Н.П.Горбунова, управляющего делами Правительства СССР, где было довольно много документов переписки его с Н.И.Вавиловым, и, продолжая работу, подробно обследовал архив Всесоюзного института растениеводства (ВИР, ВАСХНИЛ), в котором хранилась обширная переписка Н.И. Вавилова, создателя и директора Института. Опубликование историком, при поддержке директора ИИЕТ АН СССР С.Р. Микулинского, двух томов эпистолярного наследия Н.И. окончательно развеяло миф об утраче этих свидетельств его поистине героической жизни в науке [1]. В 1987 г. был широко и торжественно отмечен 100-летний юбилей Н.И., над подготовкой которого работал большой коллектив биологов, историков науки и энтузиастов. Литература, опубликованная в эти годы (труды, переписка, воспоминания современников; подборки документов публиковались в научно-популярных журналах, как «Природа», «Наука и жизнь», «Знание-сила», в советские годы имевшие большие тиражи) составила основу современного «вавиловедения» и позволила представить все грани таланта Н.И. Вавилова, как ученого и организатора масштабных исследований. Доступность документальных и аналитических материалов во многом изменила сложившееся в общественном мнении впечатление о поддержке Вавиловым Лысенко как главной причине усиления влияния последнего на научную политику в области биологии вплоть до конца 1950-х годов.

В 1990-е — 2000-е гг. Институтом истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова при содействии ЮНЕСКО была предпринята подготовка издания международной переписки ученого (руководитель группы составителей, авторов комментария и переводчиков - С.Г. Корнеев, при участии ряда членов академической Комиссии по научному наследию Н.И. Вавилова). Опубликовано 6 томов, но источником документов оставались, главным образом, ВИРовский и (частично) академический архивы в Москве, ЦГАНТД в С.-Петербурге. Поиск материалов в ряде крупных

архивов, как Библиотека конгресса США и др., осуществленный одним из участников группы публикаторов, оказался мало эффективным: документы русского ученого в фонды Библиотеки Конгресса практически не попали, оставшись, вероятно, в личных архивах его корреспондентов. В публикации присутствуют лишь единичные документы со ссылками на американские собрания. В ВИРе упомянутые документы Н.И.Вавилова были сохранены вопреки распоряжению об их уничтожении. Ценнейшее собрание уцелело благодаря личной инициативе и энтузиазму Лидии Никола-

из упомянутых авторов была откровением: ему, единственному из авторов того времени, удалось ознакомиться и сделать выписки из следственного дела № 1500 по обвинению ученого в антигосударственной деятельности (описана сама процедура работы с документами под присмотром сотрудника КГБ, с.18-21), а позднее — вывезти свои тетради из страны. Публицистический подход и эмоциональная подача информации Поповским вызвали общее доверие к нему, как первому взглянувшему в «Дело». Его ошибки, отмеченные историками (видимая легкость, с какой Вавилов организовал огромный по тем временам институт, упрек директору в конформизме в отношении требований к проводимой им научной политике Наркома-

Е.С. ЛЕВИНА

ЖИЗНЬ

Имя Николая Ивановича ВАВИЛОВА вошло в историю мировой науки, в первую очередь, благодаря его личному фундаментальному вкладу в биологию и практической деятельности организатора масштабных исследований в области генетики, теории и практики растениеводства, биогеографии, а также организации науки. Широкий отклик в мире нашли, помимо научных трудов, посвященные его памяти работы отечественных и зарубежных авторов, особенно, опубликованные в 1980-е годы и основанные на документах, ранее не известных.

евны Савиновой, заведовавшей архивом ВИР с 1945 г. Исследование подтвердило идентичность вторых экземпляров писем ученого (в терминах архивоведения - «отпусков») оригиналам, подписанным Николаем Ивановичем, в происхождении же писем его корреспондентов сомнений не возникало. Значение публикации документов деятельности ученого, переписки, в том числе — и иностранной, для закрепления в историографии нашей истории реального представления о личности Н.И. Вавилова и пережитого страной времени 20-х 50-х гг, оценки которого были во многом политизированы или субъективны, очень велико. Заслугу Л.Н. Савиновой перед историей науки трудно переоценить.

Интерес к биографии ученого на пике «перестроечных» настроений в стране был чрезвычайно высок. Ю.Н. Вавилов, получивший доступ к следственному делу отца, под давлением общественности решился на опубликование некоторых материалов, что было сделано им в сотрудничестве с Я.Г. Рокитянским, сотрудником редакции журнала «Вестник РАН». В общей прессе появились претензии авторам публикации на сам факт раскрытия имен и показаний лиц, привлеченных в качестве свидетелей по делу Н.И.Вавилова.

Очерки истории противостояния биологов СССР «облысению науки» и очерки биографии Н.И. Вавилова даны историками науки и литераторами в стране и на Западе. Среди последних были и российские эмигранты 1970-х — 80-х гг. М.А. Поповский и Е.Резник опубликовали значимые работы по материалам, собранным ими до отъезда из страны. Книга первого

том земледелия и др.) на первый взгляд объяснимы: Вавилов действительно «несвободен» потому, что очень ответствен за дело и за сохранение огромного коллектива высококлассных специалистов. Об окружении Вавилова и проблемах организации исследований свидетельствуют, в частности, относительно мало известные книги, опубликованные в 1987 г. среди множества изданий к 100-летию Н.И. Вавилова: «Соратники Вави-

Н.И. ВАВИЛОВ
и Вильям БЭТСОН. 1925 год.

лова» и биография, подготовленная одним из его учеников и коллег Ф.Х. Бахтеевым, участником последней, прерванной арестом, экспедиции Николая Ивановича. В них предстает ближний круг коллег ученого, переживавших вместе с ним проблемы организации исследований в области генетики и селекции культурных растений, решения задач преподавания классической генетики и пропаганды прикладных ее направлений.

Названными выше талантливыми литераторами создан яркий

Большое место уделено отношениям Н.И. Вавилова и Т.Д. Лысенко и в книге В.Сойфера, посвященной истории советской биологии и выдержавшей несколько изданий. В целом, автором, академическим генетиком и общественным деятелем в России постсоветского времени и в эмиграции, дан более широкий, выходящий за рамки «вавиловедения», обзор состояния биологической науки в СССР на фоне событий политической истории государства и научного сообщества.

ПОСЛЕ

образ героя повествования с описанием содержания его научной и общественной деятельности, с одной стороны, и реальной обстановки в стране как времени жизни Н.И. Вавилова, так и периода попыток демократического обновления в постсталинский период, с другой. Дано представление о том, как переживали различные слои общества долгожданный период политической оттепели в стране. Все это вызвало острый интерес читателей в стране и за рубежом. Характерно, что в изложении обоих авторов значительной части биографии Н.И. Вавилова главным «героем» (хотя и отрицательным) был его антипод Т.Лысенко.

Размышления на темы истории отечественной гентики, так ярко и значительно представленной в деятельности Н.И. Вавилова, Н.К. Кольцова, и их последователей освещены в изданиях 1980-х — 90-х годов, в числе которых стоит выделить книгу В.Я. Александрова, выдержанную в спокойном тоне и очень информативную. Среди многого, сказанного о пережитом автором времени, обращает на себя внимание четкая формулировка характера личного противостояния Н.И. Вавилова и Т.Д. Лысенко: «История лысенковщины не имеет отношения к истории биологии как науки. Это материал к политической истории нашей страны».

Справа от В.Н. ВАВИЛОВА — Г.Д. КАРПЕЧЕНКО;
слева — Ф.Г. ДОБЖАНСКИЙ и его жена. США. 1930 год

В целом, в опубликованных на рубеже 1980-х — 90-х годов мемуарах и трудах отдана дань значению научного творчества Н.И. Вавилова и его влиянию на дальнейшее развитие не только растениеводства, но и теоретической биологии. Последняя фундаментальная историко-научная работа этого плана опубликована в 2002 г. под эгидой Комиссии по сохранению и разработке научного наследия Н.И. Вавилова при ОБН РАН. Одно из главных его открытий — гомологические ряды в наследственной изменчивости — в 2000 г. получило подтверждение при геномном анализе с помощью методов молекулярной биологии.

В зарубежной историографии интерес к личности Н.И. Вавилова носит скорее публицистический, нежели историко-научный характер: в работах внимание акцентировалось на трагедии судьбы ученого в пору сталинизма более, чем на результативности собственно научной деятельности.

Из исследований ученого в значимых работах историков чаще обсуждается одно из его великих начинаний — открытие и описание географических центров происхождения культурных растений и создание уникальной коллекции их образцов. Однако тома эпистолярного наследия, опубликованные в СССР на русском языке и дающие полное представление о личности ученого, практически не используются (не цитируются) в зарубежной, в большей части англоязычной, литературе. Помимо работ, приведенных в биобиблиографиях Н. И. Вавилова, особенно интересны не вошедшие в обзоры книги последних лет (2003-2009 гг.), которые свидетельствуют о большом интересе к творчеству Н.И. Вавилова, не огра-

ботанико-агрономической науки — созданный Н.И. Вавиловым мировой «генбанк» культурных растений — в военный трофей и использовать его в собственных целях. В книге Юты Дейчман «Biologen unter Hitler» (переиздана трижды) [19] было сказано, что во время войны Институт ботаники при «Ahnenerbe» Гимmlера на оккупированных территориях Советского Союза разграбил генетические собрания Вавилова. Это утверждение вызвало сомнение даже ее немецких коллег. Как бы то ни было публикаций об этом в советских изданиях нет. Ленинградские биологи в свое время достаточно много писали, как в осажденном городе, вымиравшем от голода, была сохранена собранная Н.И. Вавиловым в ВИРе коллекция культурных растений земного шара. Однако Дейчман имела основания писать о захвате целого ряда составных частей из генетических собраний Вавилова.

В оккупированном пригороде Ленинграда, прежде всего в г. Пушкине, находились основные генетические лаборатории ВИРа. Ставшие в самое последнее время доступными для историков архивные материалы Советской военной администрации в Германии (СВАГ) позволяют составить представление о том, какое внимание во время войны было уделено немецкими оккупационными властями деятельности селекционно-генетических научных учреждений на территории Украины, тем коллекционным материалам, с которыми работали советские селекционеры, и какой была их судьба после изгнания захватчиков с советской территории.

Особый интерес представ-

носным растениям. Сводные материалы, по которым можно было бы судить об ущербе, нанесенном во время войны части коллекции, рассредоточенной по стране, отсутствуют.

Есть основание предполагать, что селекционно-генетическая работа в странах средней и западной Европы в послевоенные годы проходила с использованием коллекционных материалов, вывезенных из СССР в годы войны, в том числе и Вавиловской коллекции. Вполне возможно, что наиболее ценные линии продолжают использоваться и сегодня. А если это так, то значит, что труды великого биолога и путешественника Н.И. Вавилова продолжают служить людям не только на полях России.

Юбилей ученого, отмеченные в 1967 и, более масштабно — в 1987 г., переиздание трудов Вавилова и его современников, опубликование массы документов архива института и личных архивов современников трагических событий в отечественной биологии, имело большое значение не только для преодоления иллюзий в отношении возможности наследования приобретенных в онтогенезе признаков и попыток воскрешения лысенковских заблуждений, но и оздоровления морального климата в научном сообществе.

Личная трагедия Вавилова, все еще обсуждающаяся дилемма «беды или вины» академика Вавилова, наконец, проблема безальтернативности государственного источника финансирования науки и централизованного управления научными исследованиями заставляют обращаться вновь и вновь к историческому опыту противопоставления академической науке оперативного

осудил и отверг все, что связано с лысенковщиной».

Об этом следует помнить и в 2000-е годы в связи с видимыми попытками привлечь внимание к имени и деятельности Т. Лысенко. Использование интернета многократно увеличивает вовлечение в дискуссии по материалам его сторонников (Пыженков, Мухин и др.) и противников. В этой связи уместно процитировать оценку деятельности Н.И. Вавилова Чарльзом Дэвенпортом (Ch. Benedict Davenport), приведенную в обращении к названным выше «публицистам» Ученого Совета ВИР им. Н.И. Вавилова ВАСХНИЛ.

«Ч. Б. Дэвенпорт пишет:

«Вавилов обладал уважением генетиков, где бы они не работали, как лидер генетиков в СССР. Его огромные знания, его широкие взгляды, его гигантская энергия являлись несметным богатством не только для СССР, но и для сельскохозяйственной науки всего мира. Из-за связи между прогрессом генетики и национальными достижениями в сельском хозяйстве и в других аспектах национальной жизни, вмешательство в работу такого человека как Вавилов является не только национальным самоубийством, но и наносит удар по достижениям всей цивилизации». Подобного рода оценкам деятельности Н.И. Вавилова нет числа, и мы гордимся тем, что по мере своих возможностей продолжаем дело, начатое им».

Издательством «Elsevier» (книги и журналы в области науки, техники и бизнеса) по инициативе G. Semenza, редактора серии «Personal Recollections», была заказана и опубликована в 2005 г. статья о Николае Ивановиче Вавилове. Показательно,

БЛАГОДАРИМ АВТОРОВ

Редакция газеты «Тимирязевка» сердечно благодарит всех, кто принял участие в подготовке этого юбилейного номера, посвященного памяти выпускника МСХИ Н.И. ВАВИЛОВА. Николай Иванович учился и работал в нашем вузе и был связан научными поисками со многими учеными академии.

125-летию со дня рождения Н.И. Вавилова посвящена Международная научная конференция, которая пройдет 4, 5, 6 декабря. Пленарное заседание состоится в главном корпусе академии, а секционные — на факультетах.

СНО объединяет студентов

Активно встретило начало нового учебного года Студенческое научное общество им. Н.И. Вавилова! В течение первых двух месяцев состоялось 5 заседаний, на которых в тёплой дружественной атмосфере за традиционным чаем с печеньем участники обсуждали такие, казалось бы, далёкие друг от друга и необычные вещи, как история создания пшенично-пырейных гибридов, или ППГ, соревнования волонтеров общества Красного креста, алгоритмы Уотермана-Смита и Нидлмана-Вунша и многое-многое другое. В ближайшее время планируется проведение нескольких экскурсий, организация Вавиловских мероприятий и, конечно же, знакомство с новыми интересными докладами на заседаниях.

СНО им. Н.И. Вавилова объединяет студентов, аспирантов, преподавателей Академии, а так же всех интересующихся генетикой, селекцией, биотехнологией и наукой в целом. Заседания СНО проходят в течение каждого учебного года без перерыва вот уже более 25 лет, а сама история образования научного кружка на агрономическом факультете восходит ко времени студенчества Н.И. Вавилова. В работе кружка активное участие принимают и бывшие выпускники РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева — члены студенческого научного общества, что обеспечивает преемственность поколений.

Главной целью общества является объединение студентов, интересующихся и занимающихся научными исследованиями. Осуществляется подготовка студентов к самостоятельным презентациям своих научных работ. Члены СНО принимают активное участие в организации научных конференций в Академии.

На заседаниях кружка происходит обмен мнениями по актуальным вопросам современной биологической науки, выступают с докладами как члены кружка, так и специалисты из ведущих научных учреждений — Института общей генетики им. Н.И. Вавилова, МГУ им. М.В. Ломоносова, Института физиологии растений РАН и др.

Так же на кафедре генетики и биотехнологии проходят занятия кружка для школьников «Кто интересуется генетикой». Под руководством доцента кафедры Л.С. Большаковой юные любители науки проводят занимательные эксперименты и изучают законы наследственности.

Алевтина РУБАН,
студентка 303-й гр.
агрономического факультета

ЖИЗНИ

ниченном времени юбилейных чтений его памяти. Характерно, что имя Н.И. Вавилова фигурирует, например, в работах известного журналиста Питера Прингла, рассматривающего в исторической ретроспективе проблемы производства продовольствия на Земле. Им же опубликована биография Н.И. Вавилова «Убийство Николая Вавилова. История сталинской репрессии одного из великих ученых двадцатого века» (2008). Большой интерес представляет книга Гари П. Нэдхэна (позиционирует себя как «этнобиолога, консерватора и фермера») под названием, четко формулирующим задачу публикации: «Откуда приходит наша еда», с уточняющим подзаголовком: «Ход поиска Николаем Вавиловым прекращения голода».

Судьбу части упомянутой советской коллекции образцов, которая попала в Германию в ходе Второй мировой войны, пытались прояснить немецкие и российские историки. К началу второй мировой войны в распоряжении ученых были лишь две наиболее полные мировые коллекции культурных растений, с которыми велась исследовательская работа, — Департамента земледелия в Вашингтоне (США) и Всесоюзного института растениеводства в Ленинграде (СССР). Захват значительной части европейской территории Советского Союза позволил Германии превратить одно из крупнейших достижений

ляет предварительный отчет о разработке архива Немецкого сельскохозяйственного научно-исследовательского центра восточных областей. Ознакомление с материалами этого архива было проведено заместителем начальника Управления сельского хозяйства и лесоводства СВАГ А. Корольковым. Он организовал транспортировку этого архива в Берлин и составил первый вариант предварительного отчета о его разборке (май 1947 г.)

Позднее были обнаружены архивные материалы немецких организаций и фирм, которые занимались вывозом имущества из Советского Союза, и архив Сельскохозяйственного научного центра Украины Министерства сельского хозяйства Германии.

Агрономические исследования выполнялись силами советских научных работников, большая часть которых, как утверждается в отчете, была насильственно привлечена к продолжению исследований, но были и те, кто служил новой власти «и верой и правдой». В архиве обнаружена переписка о приглашении на работу по изучению и использованию мировой коллекции пшеницы — предмета особого внимания и гордости Вавилова — ученых из Одессы и Пушкина. Установлены и пункты эвакуации из СССР сельскохозяйственных ценностей, причем особое внимание было уделено вывезенным из СССР каучуко-

Н.И. ВАВИЛОВ в начале 30-х годов

применения результатов фундаментальных исследований в практике. Существенно важно, что именно на торжественном заседании памяти Николая Ивановича Вавилова 24 ноября 1987 г. прозвучало официальное слово осуждения лысенковщины:

«Я уполномочен заявить, — сказал академик А. А. Никонов, — что современный состав ВАСХНИЛ

что в качестве краткого резюме редакторы предпочли дать эпиграфом к изложению биографии русского ученого цитату из письма классика генетики Германа Меллера, работавшего в 1933—1936 годах в Институте генетики АН СССР в Москве, к Гордону Бейли: «This fabulously productive man did more for development of this country's agriculture than anyone else for other country in the world»...

Николай Иванович Вавилов вырос в семье торгово-промышленного деятеля. «...крещен 19-го числа; родители его московский мещанин слободы Устюжской Иван Ильин Вавилов и законная жена его Александра Михайловна, оба православного вероисповедания...». Брат Николая Ивановича, Сергей Иванович, писал об отце: «*Был он человек умный, вполне самоучка, но много читал и писал и, несомненно, был интеллигентным человеком. По-видимому, он был отличный организатор, «дела» его или всегда в порядке, он был очень смел, не боялся новых начинаний. Общественник, либерал, настоящий патриот... он, несомненно, был незаурядным человеком по сравнению с окружающими его. Его любили и уважали. В другой обстановке из него вышел бы хороший инженер или ученый*». Авторитет И.И. Вавилова в среде московского купечества был очень высок. В 1908 г. он избран гласным Московской Городской Думы, голосовал против постанов-

направленных на мобилизацию мировых генетических растительных ресурсов: для решения проблем голода, продовольственной безопасности не только собственного государства, но и всего человечества. Н.И. Вавилов обладал выдающимся умом и талантом, уникальной способностью стратегического, теоретического и научного мышления. Для него характерны исключительная работоспособность, физическое здоровье, бодрость духа, богатая природная одаренность, юмор и обаяние.

Жизнь многих ученых, отдававших свои знания студентам, развитию науки, подготовке молодых специалистов и пропаганде научных знаний, способствовала формированию этого талантливого ученика.

В институте с первого курса с энтузиазмом включается в организацию кружка общественной агрономии, где заслушивали научные доклады и рефераты, ставили опыты, собирали коллекции, учреждали библиотеку

в котором пытается раскрыть связь между новейшими данными о строении организмов и эволюционным учением.

В Политехническом музее он услышал лекцию Г.А. Кожевникова «Будущее человека». Потрясенный услышанным, Николай писал: «Глубокоуважаемый профессор! Прослушав Вашу лекцию, я был поражен той перспективой будущего, которую Вы изобразили. Я понял из Вашей лекции, в каком хаосе познания бродили мы... Явилось сильное желание...выяснить себе, как жить согласно требованиям биологии, захотелось разобраться в вопросах о вырождении человечества. Общее

Каждая говорит о формирующихся взглядах выдающегося в будущем естествоиспытателя. Большинство их посвящены ключевым вопросам науки, в том числе и новым: генетике и микологии. Автор дневника отмечал, нельзя принимать усваиваемые понятия лишь на веру, все «надо пересмотреть и переобдумать»; считал, в логике мышления должны преобладать методы естественных наук.

В декабре 1909 г. он присутствует на XII Съезде русских естествоиспытателей и врачей, проходившем в Московском университете. Съезд перед ним предстает собранием виднейших представителей отечественного естествознания, в числе которых Анучин,

стей чтобы во всем разобраться, все поглотить. Стало вдруг воочию все то, что потребует селекционеру, чтобы приобрести свой собственный взгляд на вещи. Нужно усвоить языки, войти в громаду иностранной литературы, нужно знакомство с математикой, наконец, нужна выдержка, закаленность в работе. Да, наконец, нужен юношеский порыв, призвание. И вот я сомневаюсь, есть ли во мне и сие. И не знаю, что сказать сейчас самому себе. Во избежание признания за собой полной непригодности как селекционера я, конечно, захвачу область пошире, заберусь в сферы опытного дела. Сейчас, кажется, блеснул выход.

«Я ХОЧУ ОПРАВДАТЬ»

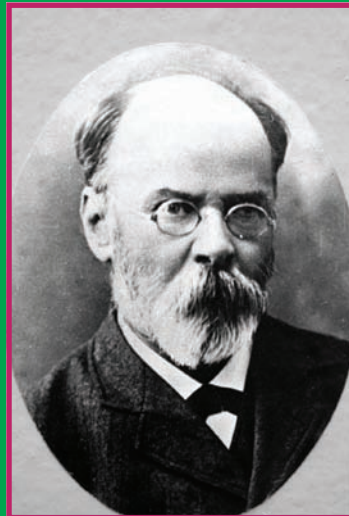
Педагоги молодого ВАВИЛОВА

Д.Н. ПРЯНИШНИКОВ

Н.Н. ХУДЯКОВ

А.Ф. ФОРТУНАТОВ

И.А. КАБЛУКОВ

Д.Л. РУДЗИНСКАС

Р.Э. РЕГЕЛЬ

А.А. ЯЧЕВСКИЙ

ления Думы «отменить выдачу учащимся льготных билетов на проезд по городским железным дорогам», выступал против введения новых налогов, добивался первоочередной постройки линий трамвая.

Мать Николая Ивановича, Александра Михайловна, отличалась природным умом, сыграла большую роль в воспитании своих детей. Обе семьи, и отцовская, и материнская, были талантливыми и незаурядными. Деловитость, организаторский талант, склонность к искусству — всё это уродственников в большой мере. У Александры Михайловны и Ивана Ильича родились семеро детей — четыре сына и три дочери.

В 1906 г. Николай окончил Московское коммерческое училище, и поступил в Московский сельскохозяйственный институт (бывшая Петровская земледельческая и лесная академия). Здесь Вавилов сформировался как исследователь, сочетающий фундаментальные и прикладные интересы.

Со времен студенчества для него была характерна широта выполненных им исследовательских задач,

по естествознанию. Вавилов совмещал успешную учебу с активной работой в кружке, был одним из организаторов лекций, рефератов, бесед, экскурсий, посещения музеев и заседаний, наиболее интересных научно-просветительных учреждений и научных обществ Москвы. Уже в студенческие годы юноша выделялся среди товарищей своей одаренностью, способностью к самостоятельному научному мышлению.

Важным направлением деятельности кружка являлись экскурсии для сбора коллекций. Он в 1908 г. с небольшой группой кружковцев отправился на Кавказ. Были собраны коллекции растений, семян, плодов, минералов. Из этого путешествия он привез около 160 листов гербария с образцами высших растений.

В 1909 г. в стране празднуется 100-летие со дня рождения Ч. Дарвина и 50-летие со дня выхода его книги «Происхождение видов...». На торжественном заседании МСХИ студент 3-го курса Н. Вавилов (редкий и для нашего времени случай) выступает с докладом «Дарвинизм и экспериментальная морфология»,

естествознанию, проходимое нами в высшей школе, почти не дает ответа на затронутые Вашей лекцией вопросы». Вавилов просил помочь ему советами и рекомендациями. Профессор подробно ответил студенту и вскоре получил от него письменную благодарность за помощь и советы «от себя и от товарищей по самообразованию».

Наибольшее внимание в дневнике Вавилова-студента, уделено аграрному вопросу, условиям, в которых будет проходить работа агронома. Он говорит о недостатках крестьянской реформы 1861 г., анализирует малоземелье сельского населения и состояние аренды, приводит сравнительные данные об урожайности в России и за границей, рассматривает причины низких урожаев и состояние земледелия. Он понимает бедственное состояние российского крестьянства. Записи в дневнике показывают научную широту взглядов. Его беспокоит крестьянская Россия, ему близка ее судьба.

Уже в студенческих записях видны пути эволюции будущего ученого и общественного деятеля России.

Стебут, Прянишников, Вернадский, что произвело большое впечатление на молодого человека. На съезде профессор Я.В. Самойлов, бывший ученик профессора В.И. Вернадского, представил ему своего студента. Вавилов встречается с директором Полтавской опытной станции Ф.С. Третьяковым, получив от него согласие принять студента в число практикантов. На опытном поле юноша ставит опыты по борьбе с болезнями культурных растений. В Полтаве проходила практику и Екатерина Сахарова. Она обнаружила способность к экономическим наукам, была любимой ученицей А.Ф. Фортунатова, отличалась глубоким знанием иностранных языков, помогала усвоить их Вавилову.

Совершенствование производственной практики закончились и студенческие годы. 8 декабря 1910 г. он записал в дневнике: «Сегодня под влиянием ли долгого малоделания и разбрасываемости в работе снизошел дух уныния и скептицизма. И мне стало страшно того пути, на [который] склоняюсь вступить. Показалось, что не хватит ни ума, ни способно-

Выйду чашу до дна. Всегда ведь мне все давалось не так уж легко. Но мне всегда хотелось идти вперед. И сейчас не влечет меня общественная агрономия. Хочется испытать более резкие ощущения, хоть и знаю, что ждут и будут минуты отчаяния, разочарованности и упадка. Все-таки пойду, на многое не надеюсь...

Простится все тебе, чего не мог ты сделать, то же не простится, что не восхотел; а я хочу, страстно желаю сделать что-нибудь, оправдать свое существование на земле, отдать долг — за всю сумму энергии, потраченной на меня».

Н.И. Вавилов принимает участие в Первом съезде по селекции и семеноводству. К этому времени, как отмечал К.И. Пангалло, «настоящих селекционеров-специалистов едва ли можно было насчитать больше десятка». Железная дорога предоставила участникам поездки отдельный вагон, ставший импровизированным клубом. «Среди нас были и скептики, — отмечал в своих воспоминаниях участвовавший в поездке Пангалло, — и это делало беседы особенно оживленными и чрезвычайно острыми.

Николай Иванович, несмотря на свою молодость, главенствовал в них, и я не устал удивляться его огромному запасу знаний и мастерству, с каким он им пользовался. Перед нами выступал не студент, не новичок в науке, а как бы квалифицированный опытный профессор».

На съезде он знакомится с руководителем Бюро по прикладной ботанике Сельскохозяйственного ученого комитета Р.Э. Регелем и получает его согласие на приезд в Петербург для ознакомления с работой Бюро. То была одна из самых судьбоносных встреч Николая Ивановича, определившая его вхождение в лидеры отечественной биологии и агрономии.

которое опубликовало ее отдельной книгой, а Московский Политехнический музей удостоил автора премии имени основателя музея профессора А.П. Богданова. Студенческое исследование было зачтено Н.И. в качестве дипломной работы.

Ему присвоено звание ученого агронома I-го разряда. К этому времени окрепли отношения с Екатериной Сахаровой, они встречаются, а во время ее отъездов переписываются. Запреля он сообщил, что сдал последний экзамен: «Оглядываясь назад, чувствую, что пройденный путь был верен... Многие не сделано, и этот долг стеснит последующее движение». Он не удовлетворялся тем, что входя-

работе, несомненно, талантливая, вроде Демьянова, Прянишников, Самойлова, Нестерова и присных, но это был стук в дверь храма науки, как про себя сказал Алексей Федорович [Фортунатов]; эта работа была увлекательная для самих работников, но не для нас — наблюдателей и посетителей лабораторий. А когда-то этот огонь горел в лице Федорова, Тимирязева. Ныне его не ощущали. Не было огня, который бы зажег...».

Несомненно, мысли вчерашнего студента строги. Но нельзя отказать ему в принципиальности и искренности. Ясно, что, приводя образное выражение «стук в дверь храма науки», он не хочет быть просто

Вавилону тем, что всю деятельность направлял на развитие прикладной ботаники. Позиция Регеля еще тем интересна, что он пытался ввести деятельность Бюро в чисто научное русло. Не популяризация, не педагогика — только научная работа. Через год после окончания МСХИ Николай Иванович отправляет письмо Роберту Эдуардовичу о желании «с ноября позаниматься несколько месяцев... в Бюро прикладной ботаники...».

На становление Н.И. Вавилова (как генетика) определяющее влияние оказали Прянишников и В. Бэтсон, в лаборатории которого в 1913—1914 гг. он стажировался. Кстати, послал его в Англию Дмитрий Николаевич. Еще

на краю гибели, мы решили, пора закрыть институт». Прекращение на три дня работы Вавилов воспринял как личную трагедию.

... Поражает огромный охват культур, привлеченных им для изучения иммунитета растений: только хлебные злаки были представлены 650 сортами пшеницы и 350 сортами овса, а, кроме того, еще бобовые, огородные культуры, лен... К лету 1917 г. основные проблемы иммунитета растений уже ясны, ведется тщательная обработка материалов, пишутся первые главы монографии. Все более захватывает новая тема — география культурных растений, центры их происхождения.

СВОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ НА ЗЕМЛЕ»

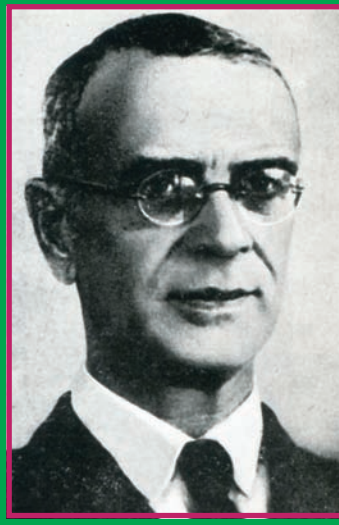
Здесь началось становление Н.И. ВАВИЛОВА-исследователя

С.И. ЖЕГАЛОВ

Е.И. СИНСКАЯ

Л.И. ГОВОРОВ

Г.А. ЛЕВИТСКИЙ

Г.С. ЗАЙЦЕВ

наблюдателем в исследовательских лабораториях, а их работником и творцом науки. Первые шаги для этого сделаны, его стук в дверь храма был настойчивым и требовательным, он был услышан, и дверь храма науки открылась талантливому работнику.

Уже весной 1911 г. он погрузился в сферу научного мышления и приступил к исследовательской деятельности. После сдачи последнего экзамена начинает работать практикантом на опытном поле. 16 апреля 1911 г. Н.И. Вавилов делает последнюю запись в студенческом дневнике: «Чем > забредаю в сферу научного мышления, тем страшнее путь. В ушах звенит: не успеешь... такая бездна познания впереди и ясно вижу, что должно ограничить себя... В душе лежит глубокая симпатия к биологии. Жизнь кажется проясняющейся в ее свете». И завершает дневник: «Как индивид ясно сознаю, что хотя ужасны и, пожалуй, страшны были условия детства и отрочества, но все-таки я получил > чем многие и многие. Мне ясно, что перед самим собой, перед тем комплектом наследственных [+ приобретенных] качеств — я должен и хотел бы хоть йоту отдать, хотел бы сделать что-нибудь ясно практически усвояемое. Случайность забросила в агрономию. К ней чую склонность и симпатию и вот соединение биологической предисположенности + агрономии — путь, к[оторый] выбираю».

Начало преподавательской работы явно разочаровывает. Он призван изучать, вести исследования и получать результат, который войдет в учебники, а не популяризировать основы давно утвердившихся положений. Совет МСХИ по представлению Д.Л. Рудзинского принимает решение ходатайствовать о командировке за границу практиканта опытной станции по семеноводству Н.И. Вавилова. А пока он продолжает интенсивно работать. Его учителя — многие крупнейшие биологи и аграрии. Р.Э. Регель был интересен Н.И.

в дневниковой записи конца 1910 г., Вавилов для совершенствования образования готов был подвергнуться всем трудностям обучения за границей и в Америке. 26-летний Н.И. был командирован в ведущие научные подразделения Франции, Англии, Германии. В то время в России почти все, оставляемые при кафедрах МСХИ, с целью дальнейшего усовершенствования и подготовки к научно-исследовательской деятельности, проходили стажирование в мировых научных центрах. Вавилов намеревался кроме стран Западной Европы побывать в Северной Америке, однако помешала Первая мировая война.

К началу сентября 1913 г. Н.И. Вавилов прибыл в Кембридж. В письме Сахаровой пишет, что получил от профессора агрономической химии Кембриджского университета Т. Вуда (Wood) разрешение слушать его лекции.

Вавилов неоднократно вспоминал о работе в библиотеке Линнеевского общества и часах, проведенных за изучением гербария Линнея, его манускриптов.

После возвращения из Англии Николай Иванович продолжал научно-исследовательскую и педагогическую работу, увеличивая масштабы изучения зерновых культур. Д.Л. Рудзинский предлагает привлечь Вавилова для чтения общей части курса — теоретических основ селекции, который уже несколько лет занимается научной разработкой экспериментальной биологии.

К 1917 г. Н.И. Вавилов уже сложился как самостоятельный и оригинальный ученый, обладающий широким кругозором, глубоко освоивший и прекрасно ориентирующийся как в теоретических, так и прикладных вопросах биологии и селекции. Он полностью поглощен научной деятельностью и завершением исследований по иммунитету растений к инфекционным заболеваниям. Ничто не может отвлечь ученого от решения научных задач — ни события на фронтах мировой войны, ни нарастающее революционное движение в стране, ни общенациональный кризис, охвативший все стороны общественной жизни в России.

Кажется, внешние события мало волнуют. Исследовательская деятельность стала смыслом жизни. Наука определяла его поступки. Он готов пожертвовать любым житейским удобством во имя решения научных задач. Но и препятствия на пути исследований могли лишить его равновесия, выбить из колеи. Правда, это быстро проходило, служение науке всегда брало верх. Показательно одно из его писем А.Ю. Тупиковой от 8 мая 1917 г. Он писал, что в связи с принятием декларации Временного правительства о готовности продолжать войну «все говорили, что Россия

Материалы и коллекции, привезенные Николаем Ивановичем из экспедиций, позволили впервые (в 1923 г.) произвести в разных зонах страны опытные географические посевы культурных растений с целью изучить их изменчивость и дать им эволюционную и селекционную оценку. Заложена основа для организации в СССР государственного сортоиспытания полевых культур.

Значение работ Н.И. Вавилова для современной агрономической науки до сих пор, к сожалению, остается недостаточно раскрытым, так же как и условия, которые формировали его интересы и принципы научных исследований. По-видимому, публикация основных работ Вавилова становится крайне актуальной именно в настоящее время, когда идет поиск новых концепций аграрной науки, аграрного образования, интенсификации сельского хозяйства и созданию методов его устойчивого развития. Важно подчеркнуть, что определяющее значение для успешности исследовательской работы является преэминентность некоторых наработанных приемов постановки задач, проведения экспериментов, их анализа и проверки. Эти приемы отработывались веками, их авторы многочисленны и безымянны, но передача их приемов, как правило, происходит «из рук в руки», что и является основой преемственности научных школ. Поэтому кажется необходимым для специалистов и формирующихся исследователей в области аграрных наук знакомство с оригиналами работ Николая Ивановича Вавилова, которые могут помочь увидеть всю глобальность и комплексность его исследований, их широту и азарт поиска.

Для тех, кто работает и учится в университете, очень важно, что на знамени Тимирязевки — имя великого выпускника МСХИ, который более десяти лет был связан с Московским сельхозинститутом. Здесь учился теории и познавал науку исследований, формировался как будущий ученый, здесь его увидели талантливые учителя — педагоги, здесь он нашел своих единомышленников, со многими из которых будет строить большую Российскую науку в ВИРе и стране. Как ученый он формировался в стенах старой академии, откуда уезжал на стажировку, в научные экспедиции. Об академии он всегда помнил, приезжая в Москву к своим друзьям, а еще ранее, сделав огромный подарок научной литературы для ЦНБ и выступая в Химичке.

Наша задача — познать уроки Н.И. Вавилова, сделать их достоянием студентов и тех, кто их учит. К этому призывает и драматическая судьба ученого.

В.И. ГЛАЗКО,
Академик РАСХН
(иностраный член)

Учитель Вавилова Д.Н. Прянишников был не только выдающимся ученым, но и прекрасным педагогом. Он прививал студентам ответственное отношение к учебе, свободу в выборе занятий, навыки самостоятельной научной работы. В Петровке была предметная система. Каждый студент имел возможность составлять свой индивидуальный план сдачи экзаменов, что было удобно для молодежи, вынужденной зарабатывать себе на жизнь. Готовились серьезно, сдавать по учебникам считалось дурным тоном.

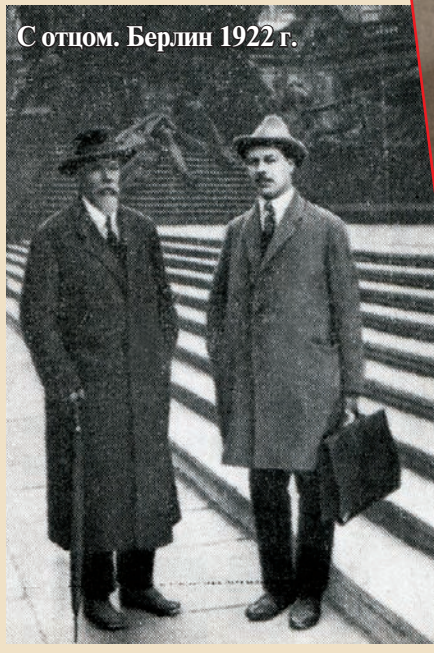
Первоначально научные интересы Вавилова относились к области изучения вредителей и болезней растений. На кафедре ботаники у профессора С.И. Ростовцева он увлекся изучением болезней растений, составил гербарий паразитических грибов. Затем, под руководством заведующего кафедрой зоологии профессора Н.М. Кулешова, провел исследования по изучению сельскохозяйственных вредителей и разработке мер борьбы с ними. Работа о голых слизнях (улитках) была выполнена по заданию Московского Губернского земства,

ло в программу отдельных дисциплин. Пожалуй, большую часть его времени занимала самостоятельная работа. Эта черта осталась у Николая Ивановича до конца жизни. «Скорей! Скорей! Вот страшный торопыга! Первый раз вижу человека, который занимается наукой с пеной у рта!» — дала четкое определение Вавилону Т.И. Громова (агроном, ботаник, биохимик). Несомненно, он достиг многого в сравнении с успехами соучеников и коллег. Но строгость подхода к себе, принципиальная оценка возможностей и способов реализации полученных знаний, не позволяют ему удовлетвориться достигнутым.

«К высшей школе, собственно Петровке, — писал он в том же письме, — предъявляю одно лишь серьезное обвинение. В Петровке была милая, хорошая общественная среда, были недурные научные работники, но в ней не было огня научной мысли, мысли зажигающей и увлекающей за собой. Была недурная учеба, но кипучей работы научной мысли, синтеза, — я не ощутил. Были блестящие, вроде Худякова, быстро гаснущие, была скромная внутренняя

Семейный альбом ВАВИЛОВЫХ и БАРУЛИНЫХ

С отцом. Берлин 1922 г.

Глава семьи, отец
Иван Ильич ВАВИЛОВ

Дом в Москве на Средней Пресне,
где вырос Николай ВАВИЛОВ

Семья Ивана Ефремовича БАРУЛИНА

Александра Михайловна
с сыновьями Николаем
и Сергеем. 1896 г.

Николай ВАВИЛОВ с матерью
и братом Сергеем. 1916 г.

С сыном Олегом

Олег Николаевич
ВАВИЛОВ

ПОСЛЕДНИМИ, КТО ВИДЕЛ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА НА СВОБОДЕ, БЫЛИ Ф.Х. БАХТЕЕВ И В.С. ЛЕХНОВИЧ

Особое место в деятельности Бахтеева занимали подготовка к изданию и редактирование трудов его великого учителя, в том числе ранее не публиковавшихся. Когда началась работа над «Избранными трудами» Н.И. Вавилова в пяти томах, главой этого важного дела, вложившим большой труд в успешное завершение предпринятого издания, явился Фатих Хафизович. Под его редакцией вышел также посмертный труд Николая Ивановича «Мировые ресурсы сортов хлебных злаков, зерновых бобовых, льна и их использование в селекции: Опыт агроэкологического обзора важнейших полевых культур» (1957). Он написал десятки биографических очерков, посвященных Вавилону, и статей о различных аспектах деятельности Николая Ивановича. Они опубликованы на русском, латвийском, литовском, эстонском, английском и немецком языках. «Лебединой песней» Ф.Х. Бахтеева явился его доклад «Николай Иванович Вавилов и его роль в развитии генетики», прочитанный в 1978 г. на специальном заседании XIV Международного генетического конгресса в Москве.

Выдающийся знаток культурных растений, крупнейший в нашей стране специалист по ячменям, страстный защитник подлинной науки и борец против ее извращения, неутомимый общественный деятель родился 24 ноября (7 декабря) 1905 г. в с. Средняя Юлюзань Кузнецкого уезда Саратовской губернии (ныне Городищенский район Пензенской области).

Непростым путем шел Фатих Хафизович в науку. Рано потеряв отца и мать, он воспитывался в Кузнецком детском доме, учился в уездной и губернской совпартшколах, в Саратовском коммунистическом университете.

Высшее образование Бахтеев получил в Саратовском сельскохозяйственном институте, который окончил в 1931 г. После года работы участковым агрономом был принят в аспирантуру ВИР. Защитил кандидатскую диссертацию «Географическая изменчивость длины вегетационного периода разных типов ячменей» и был назначен заведующим секцией ячменей Всесоюзного института растениеводства.

Его непосредственным руководителем, учителем, а впоследствии старшим другом был Н.И. Вавилов. Совместная работа с этим великим деятелем науки, продолжавшаяся до августа 1940 г. (Ф.Х. Бахтеев вместе с В.С. Лехновичем сопровождал Вавилова во время его последней поездки на Западную Украину),

оказала решающее влияние на формирование научных интересов молодого ученого. В общении с Николаем Ивановичем были заложены основы глубоких знаний в областях теоретической и практической генетики и селекции растений, основы владения методикой работы и литературой предмета. Широта интересов учителя передалась его верному ученику. Но преданность

Даже среди самых верных и преданных учеников Николая Ивановича Фатих Хафизович БАХТЕЕВ занимает особое место. Мало кто сделал так много для защиты идей своего учителя, для их популяризации, для публикации его произведений.

Николаю Ивановичу не могла не осложнить жизнь Бахтеева.

После ареста Н.И. Вавилова Фатих Хафизович в числе многих стойких вавиловцев был уволен из ВИРА и должен был переехать в Мурманск. На областной сельскохозяйственной опытной станции он заведовал группой кормодобывания, а после начала Великой Отечественной войны исполнял обязанности директора.

В 1943 г. Бахтеев переехал в Москву, он был приглашен в НИИ зернового хозяйства нечерноземной полосы в Немчиновке. Здесь заведовал лабораторией зерновых культур и одно время замещал директора. В 1945 г. Фатих Хафизович перешел в Главный ботанический сад АН СССР на должность старшего научного сотрудника. В 1948–1949 гг. был заместителем директора Лаборатории отдаленной гибридизации АН СССР, созданной при Главном ботаническом саду. В 1947 г. защитил в Тимирязевской академии диссертацию «Эколого-географические основы филогении и селекции ячменей *Hordeum sativum* Jessen», ему была присуждена ученая степень доктора сельскохозяйственных наук. После августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. пришлось покинуть Москву и оставить Главный ботанический сад.

В 1949 г. Бахтеев был переведен в Ботанический институт им. В.Л. Комарова АН СССР. Здесь 11 лет состоял старшим научным сотрудником отдела геоботаники. В 1960 г. избран зав. Ботаническим музеем института. В 1970 г. по приглашению Н.В. Цицина снова переезжает в Москву, в Главный ботанический сад. До 1974 г. был ст. научным сотрудником отдела отдаленной гибридизации,

членом-учредителем общества, избирался членом Совета.

Основное его внимание как исследователя было приковано к тому объекту, работу с которым ему поручил еще Н.И. Вавилов. К изучению ячменей, начатому в ВИРе, он возвращался при каждой возможности. В вировские годы его деятельность целиком связана с этой культурой.

Фатих Хафизович

ОСТАЛСЯ ВЕРЕН ДРУЖБЕ С УЧЕНЫМ

а затем, до 1979 г., — ст. научным сотрудником-консультантом.

С научно-исследовательской деятельностью Бахтеев в течение многих лет успешно совмещал педагогическую работу в вузах. Читал курс дарвинизма в Ленинградском ветеринарном институте (1936–1938), курс селекции растений и семеноводства в Пушкинском (1938–1939) и Вологодском (1940) сельскохозяйственных институтах, курс растениеводства в Петергофском плодовоощном институте (1939–1940), курс географии и систематики культурных растений на кафедре высших растений МГУ (1945–1948), курс общей ботаники в Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена (1952–1957). В 1954 г. ему присвоено ученое звание профессора по кафедре ботаники.

Темперамент и энергия Фатиха Хафизовича не позволяли ему быть в стороне от научно-общественной жизни. Работая в Ботаническом институте, он стал активнейшим деятелем Всесоюзного ботанического общества. Когда после октябрьского Пленума ЦК КПСС 1964 г. встал вопрос о создании Всесоюзного общества генетиков и селекционеров, получившего впоследствии имя Николая Ивановича Вавилова, Бахтеев явился одним из

На основе восьмилетних экспериментов, материалом для которых послужила мировая коллекция ячменей ВИРА из 16 948 образцов, высевавшихся и изучавшихся по единой методике в разных пунктах СССР (Кубань, окрестности Ленинграда, Кольский полуостров и др.), Бахтеев выделил 31 агроэкологическую группу (proles) возделываемых ячменей. Эти группы разделены в свою очередь на подгруппы (subproles) в числе 71. Предложена новая классификация возделываемых ячменей.

Фатих Хафизович был не только автором многочисленных публикаций, посвященных ячменям, ему принадлежало соавторство в создании ряда отечественных сортов (Кубанец, Нутанс 7805, Паллидум 6699, Колхозный голозерный 7).

Много сделал он для улучшения преподавания ботаники в средней школе. За годы господства в биологии лысенковщины преподавание биологических дисциплин в школе было неудовлетворительным. В программах и учебниках игнорировались достижения науки, детям не прививались интерес и любовь к растениям, их отталкивали от ботаники и эволюционного учения. Возглавляемая Фатихом Хафизовичем научно-педагогическая секция Все-

союзного ботанического общества энергично боролась за улучшение преподавания ботаники и биологии, а в 1965 г. разработала новый проект программы по ботанике. Бахтеев опубликовал ряд статей в журнале «Биология в школе», посвященных популяризации идей Н.И. Вавилова и современных достижений генетики и селекции.

Когда в 1966 г. постановлением Президиума АН СССР была создана Комиссия по сохранению и разработке научного наследия академика Н.И. Вавилова, возглавляемая Н.Н. Сукачевым, Бахтеев стал одним из самых активных ее членов и продолжал работать в ее составе до смерти. В 1970 г. ему была присуждена академическая премия имени Н.И. Вавилова. Он явился её вторым лауреатом.

Ряд лет Фатих Хафизович работал над задуманной им научной биографией Николая Ивановича, завершив ее в 1977 г. Она опубликована только после его смерти в 1987 г., в год 100-летнего юбилея Н.И. Вавилова.

Бахтеев никогда не ограничивался кабинетными занятиями. Он много ездил по стране, знакомясь с природной и культурной растительностью, с научно-исследовательскими учреждениями сельскохозяйственного и биологического профилей и собирая растения.

Фатих Хафизович как первоклассный знаток ячменей пользовался большим авторитетом не только в Советском Союзе, но и за рубежом. Он состоял членом Международного кооператива зерновиков, много печатался в зарубежных изданиях, поддерживал научные связи с учеными ряда стран Европы, Америки и Азии.

С самого начала своей научной жизни Бахтеев определил свое место в науке. Совсем молодым человеком он открыто встал на защиту биологии от демагогического догматизма. Таким же мужественным и прямым он оставался всю жизнь. Даже его друзья и единомышленники нередко упрекали Фатиха Хафизовича за безрасудство, отсутствие дипломатичности, неумение промолчать. Но он не был дипломатом и не молчал, с тем же «безрасудством» доказывал правильность и эффективность классической генетики и ее выдающееся значение как теоретической основы селекции, защищал материалистическую хромосомную теорию наследственности, боролся за правильное толкование и изложение дарвинизма, разоблачал лженауку и лжеученых. Делал он это по велению своего сердца, которому органически были чужды фальшь, лицемерие и приспособленчество. Скончался Фатих Хафизович в Москве 2 сентября 1982 г.

...ТАКИЕ ЛИЦА ЗАПОМИНАЮТСЯ СРАЗУ. О ДРУГЕ И КОЛЛЕГЕ Н.И. ВАВИЛОВА

(Начало на стр. 1)

Но всё оказалось не так.

Выхожу к набережной. Влажный жесткий ветер резко бьет в шляпу. Вдали, у отбежавшего от реки леса, серело зеркало воды. «Вель», — вспомнил я рассказ в интернете. Увидев редакцию газеты, поднялся по узким ступеням. Редактора еще не было, а в комнате на втором этаже сидели двое. Мужчина, не отрываясь от компьютера, что-то буркнул невнятное на мои слова, как это часто случается в столичных конторах, но девушка спокойно, глядя в лицо, объяснила всё, назвала даже номер дома, куда я и двинул, оставив на столе пару номерков «Тимирязевки». Крутясь переулками и улицами оказался у здания, которое сейчас называют «Домом Карпеченко». Почему? Об этом у нас рассказ дальше. Но прежде, чем это произошло, пришлось проявить немалые усилия многим энтузиастам города в течение ряда лет.

Стою у этого дома. В нем жила семья коллежского ассессора и землемера Дмитрия Тимофеевича Карпеченко. Об этом и многом другом ярко рассказала на научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Георгия Дмитриевича Карпеченко, заслуженная учительница РФ Т.Г. Шубина.

«В доме часто звучала музыка. Сестры играли на фортепиано, старшие братья — на скрипке, а Гоша — на виолончели и кларнете. Мальчик (подразумевался Георгий — Г.Б.) очень хорошо и с большим удовольствием пел. Все принимали участие в домашних чтениях. Но самым большим увлечением семьи было вечернее чтение. Читали вслух, по очереди. Особенно любили «мамино» чтение, от её негромкого голоса становилось спокойно и уютно».

А теперь подумайте, как часто подобное происходит в семьях нынешнего поколения? Как и к и е вечерние чтения, скажут многие. У нас работа, магазины, готовка пищи. Все замордованы, как заганная лошадь.

Всё так и всё не так. Мы разучились (или не научились) думать о будущем детей с раннего детства. О насыщении их высокой духовностью, а не картинами семейных скандалов. Есть ли исключения? Есть, но их так мало в многомиллионной стране.

А младшей сестрёнке Гоши Леночке запомнилось чтение «Детства» и «Отрочества» Льва Толстого. И еще — Пушкина, Гоголя, Тургенева.

Вот еще любопытный факт, особенно для наших читателей. Как-то Гоша поведал сестре Леночке, что прочел «самую интересную в мире книгу» и показал её девочке. То была «Жизнь растений» К.А. Тимирязева. Позже сестра тоже её прочла. Не поэтому ли она и стала биологом?

Содержать такую семью было непросто, хотя из 11 родившихся детей остались только 6, «но родители старались думать не только о хлебе насущном. Они понимали: детям нужна богатая духовная жизнь. И родители сумели зародить в детских душах добрые чувства».

Для нас эти реальные приметы прошлого особенно интересны и важны, ведь долгие послереволюционные годы о людях, умеющих в царской России жить высокими идеалами, — а они, как правило, были люди не бедные, — вешали очень дурно и грязно: как о дармоедах, нахлебниках, эксплуататорах. Но положительный пример семьи Карпеченко говорит совсем об ином. Как и пример купеческой семьи Вавиловых, в которой выросли два будущих президента российских академий. А кто сейчас, в 21 веке, может сказать, что в доме у них хозяин — книга

ТРЕТИЙ СНЕГ,

или долгая тропа к Георгию КАРПЕЧЕНКО

Георгий Дмитриевич в рабочем кабинете

Вместе с супругой Галиной Сергеевной

или хозяин — музыка. В стране, где по статистике, осталось только 3% интеллигенции, положительные примеры — точечные.

...В два часа меня уже ждут. Успех до этого увидеть исключительно яркий, интересный краеведческий музей, по-своему уникальный разнообразием неожиданных экспонатов, собираемых в 19 и начале 20 веков в Вельском уезде; и еще провести несколько минут за ароматным чаем с пирожками в уютной кафешке, поднимаюсь по лестнице на второй этаж долгожданного для меня «Дома Карпеченко». Нелли Михайловна Торопова уже встречает меня. И сразу — обвал разных примеров из истории, связанной с именем великого земляка, обрушился на гостя.

Да, я пришел в дом, где 18 лет своего детства и отрочества прожил Георгий Карпеченко. Но, к сожалению, от семейных реликвий осталось очень мало. Что-то есть у его родных, обещают передать в будущем, но здесь остались целыми только деревянные двери в небольшую комнату и печь. В этой комнате сегодня немало напоминает о семье Карпеченко и самом ученом. Прежде всего — это фотоснимки, полученные от родных Георгия Дмитриевича. Часть их известна по публикациям в научных и публицистических изданиях.

В чьих же руках сегодня всё это, кто стремился ещё до создания Научно-образовательного, культурного центра «Дом Карпеченко» и в наше время сделать достоянием гласности жителей города, и не только их сведения об учёном, коллеге и друге Н.И. Вавилова, выходец из крохотного (всего 2600 чел. в 1914 г.) уездного Вельска до многих.

Давно не видел таких целеустремлённых женщин, заряженных особой энергетикой поиска, посвятивших себя одному, главному делу своей жизни, которое она выбрала очень осмысленно и правильно. Это дело —

ке». Так продолжали называть академию при всех её преобразованиях. Приезжая в МСХИ Н.И. Вавилов, знакомился с делами этого вуза и уже знал Г.Д. Карпеченко, и о его исследованиях тоже. Николай Иванович собирал многих петровцев в будущей ВИР. Потому и пригласил к себе работать способного ученика С.И. Жегалова и А.Г. Николаевой, возлагая на него большие надежды. Вот слова Вавилова, обращенные к молодому учёному: «Генетикой по-настоящему у нас пока некому заниматься..., пока же на Вас возлагаем всю генетику. Вам её начинать». 1 апреля 1925 года двадцатипятилетний Карпеченко назначен заведующим секции (позже отдела) общей генетики, а уже через пять месяцев он едет в научную командировку. За 9 месяцев Карпеченко посетил генетические лаборатории 9-ти европейских стран, ознакомившись с работами крупнейших генетиков.

Карпеченко разрабатывает методологию исследований, а именно теоретическую и экспериментальную разработку новых методов изучения репродукции и селекции растений. Главные темы — отдаленная гибридизация и цитогенетика гибридов. Это продолжение уже начатых им работ. Он собрал в лабораторию талантливых генетиков.

Карпеченко разрабатывает методологию исследований, а именно теоретическую и экспериментальную разработку новых методов изучения репродукции и селекции растений. Главные темы — отдаленная гибридизация и цитогенетика гибридов. Это продолжение уже начатых им работ. Он собрал в лабораторию талантливых генетиков.

отдаленной гибридизации в селекции; хотя и не оправдался гибрид капусты-редьки, но работа показала возможность преодоления стерильности при отдаленной гибридизации.

В 1927 г. вместе с Н.И. Вавиловым, С.С. Четвериковым, А.С. Серебровским, он участвует в V Международном Генетическом Конгрессе в Берлине, где выступает с докладом о результатах своих исследований. За них ему присуждена Рокфеллеровская стипендия для стажировки в США. С октября 1929 г. он работает в Калифорнийском университете, а затем в лаборатории Т.Х. Моргана в Калифорнийском Технологическом институте. Пройдет более шестидесяти лет и Рокфеллеровский фонд выделит грант на проведение научной конференции в Вельске, посвященной 110-летию Г.Д. Карпеченко. Долгая память у американских учёных и семьи Рокфеллеров. А деньги на изготовление бюста своему земляку-учёному собирали миром. И собрали. Затем будут и другие проекты. Они будут решены.

Сегодня Торопова — во многих ипостасях: руководитель Клуба женских инициатив, Председатель инициативной группы по созданию НОКЦ «Дом Карпеченко», председатель этого Центра.

Дело конечно не в должностях и званиях. Судьба определила её для того, чтобы имя их достойного земляка вышло из забвения, чтобы знали о нем многие: от школьников до людей солидного возраста. Большое внимание и усилия по увековечиванию памяти Г.Д. Карпеченко оказывают и Глава МО «Вельское» В.Г. Шерягин.

...Тяжелый удар нанесли по генетике, объявив её в 30-х гг. лженаукой. Чем выше поднимался Лысенко, тем меньше оставалось талантливых исследователей. Георгием Дмитриевичем и сотрудниками его отдела были получены полиплоидные формы ячменя, томата, картофеля, льна, отработаны и методы их массового получения. Но меч над ним уже был занесён.

Карпеченко арестовали на своём рабочем месте 17 февраля 1941 г. Ему инкриминировали шпионско-вредительскую деятельность и борьбу под руководством Вавилова против «Передовых методов научно-исследовательской работы и ценнейших достижений академика Лысенко по получению высоких урожаев». Стоит отметить, что Георгий Дмитриевич и Николай Иванович были приговорены к расстрелу в один день — 9 июля 1941 г.

Советская армия отступала на всех фронтах, предстояли героические усилия и жертвы, чтобы остановить врага, а машина уничтожения элиты учёных работала невзирая на военную драму.

...Георгий Дмитриевич, 42-летний учёный, уроженец города Вельска был расстрелян 28 июля 1941 г. Наверняка, расстрелян ночью, палачи любили тёмное время суток и включенные двигатели машины, чтобы люди не слышали того, что те вершат.

...Такие лица как у Карпеченко запоминаются сразу. И на долгие годы. Ведь личности учёных никогда не повторяются.

Георгий БЕЛЫХ, член Комиссии РАН по сохранению и разработке научного наследия академика Н.И. ВАВИЛОВА Архангельская обл., г. Вельск — Москва

Р.С.: В 1990 г. вдова Г.Д. КАРПЕЧЕНКО Галина Сергеевна КАРПЕЧЕНКО была награждена Орденом Трудового Красного Знамени. Такова цена жизни знаменитого учёного? Или это попытка найти прощение за прошлое?

Концерт-посвящение
«Минувшее
меня объемлет живо»
МАРИНА КАРПЕЧЕНКО
солистка Московского
музыкального театра «Геликон-опера»,
заслуженная артистка РФ (сопрано)

Внучка ученого выступила с концертом в г. Вельске

память о талантливом жителе города, большом учёном и гражданине.

Осмыслив его научное подвижничество и мученическую кончину, Нелли Михайловна, получившая хороший опыт общественной работы, увидела своё предназначение в том, чтобы поднять забытое и мало-известное на свой шит. Чтобы короткая жизнь Карпеченко стала известна многим и служила для молодёжи ярким примером.

Это та женщина, что принимает меня сейчас. Она искренне обрадовалась приезду представителя Тимирязевки, из того вуза, что дал дорогу в большую науку их знаменитому земляку. В Вельске зародилась в юноше мысль получить классическое образование в знаменитой «Петров-

Главным объектом работы Г.Д. Карпеченко являлся в те годы капустно-редечный гибрид, одно из крупнейших завоеваний генетики двадцатых годов — межродовой гибрид. Работа, в которой учёный заложил теоретические основы для от-

Письмо представлено для публикации в газете Юрием Николаевичем ВАВИЛОВЫМ

Письмо из Израиля

20.10.2006

Уважаемый

Александр Ильич Франк!

Пишет Вам из Израиля Анна Александровна Гайсинович (83 года), вдова известного историка естествознания Аббы Евсеевича Гайсиновича. Я живу одиноко и много смотрю российское телевидение. Однажды я услышала передачу о Вашем отце, где участвовали и Вы. В конце передачи, когда говорилось о С.И. Вавилеве, Вы сообщили, что в архивах не найдено ни одного письма С.И. Вавилова Сталину.

В связи с этим я захотела Вам передать рассказ моего мужа. Абба Евсеевич Гайсинович был классическим генетиком, но в связи с болезнью (туберкулез) перешел на литературную работу и стал историком естествознания. В этой связи он подружился с Николаем Ивановичем Вавиловым и [они] стали совместно издавать книги о знаменитых генетиках.

Наступила лысенковщина. И волею судеб А.Е. Гайсинович оказался референтом президента Академии наук Владимира Леонтьевича Комарова (биолог, ботаник). Президент очень доверял своему молодому референту в Президиуме Академии наук.

В 1940 году арестовали Н.И. Вавилова. В Президиум прибежал Сергей Иванович и стал умолять Комарова пойти к Молотову и сказать, кто такой Николай Иванович Вавилов, и что он сделал для советской науки и сельского хозяйства. В.Л. Комаров отказать не смог и пошел к Молотову. Когда президент вернулся, Абба Евсеевич спросил, что сказал Молотов. Комаров удрученно ответил, что Молотов стукнул по столу и сказал, что «Вы, президент, просите за шпиона английского, немецкого и т.д., и т.д.

Когда пришел Сергей Иванович, Комаров ему все рассказал. С.И. Вавилов все понял и, может быть, поэтому не писал Сталину.

В дальнейшем, когда Сергей Иванович стал президентом, Абба Евсеевич работал с ним по изданию книг по истории естествознания в серии «Классики науки», которую создал Сергей Иванович.

Мой муж мне всегда говорил, что С.И. Вавилов — трагическая фигура. Вот еще рассказ моего мужа об Академии наук того времени.

Однажды Молотов вызвал президента Владимира Леонтьевича Комарова, который затем рассказал об этом визите Гайсиновичу.

У Молотова сидели академики Ферман и Лысенко. Молотов обращается к Лысенко, чтобы тот рассказал о своих опытах. Лысенко достал две половинки картофеля и перевязал их ниткой, сказав, что это может делать и его «дочка», а если это посадить, то вырастит вегетативный гибрид. Молотов спросил, что по этому поводу думает Академия наук. Президент ответил, что у Академии наук по этому поводу нет своего мнения. Когда Комаров рассказал это Аббе Евсеевичу, то он ответил: «Как Вам (президенту) не стыдно, Вы же знаете, что это чушь. Комаров сказал, что он посмотрел бы на Гайсиновича, который так бы сказал Молотову. Вот и все.

С уважением,
Анна Александровна ГАЙСИНОВИЧ

В городе Иерусалиме

От Семена РЕЗНИКА

Насколько я знаю, наибольший вклад в собрание материалов и восстановление имени Н.И. Вавилова внесли его ученики Николай Родионович Иванов, Фатих Хафизович Бахтеев и Вадим Степанович Лехнович. Кроме них, конечно, были многие другие, но эти — самые-самые. Н.Р. Иванов неумолимо собирал письма и другие материалы, снимал с них фотокопии и хранил их у себя на квартире. Лехнович и Бахтеев были с Вавиловым в последней экспедиции, почти прямыми свидетелями его ареста. Надо посмотреть все издания книги «Рядом с Н.И. Вавиловым» (составитель Ю. Н. Вавилов) — в ней воспоминания его друзей и учеников, в их числе Л.П. Бреславец и др. Надо не забыть Марию Гавриловну Зайцеву — дочь Г.С. Зайцева, ученицу Собинина, покончившего с собой после сессии 48 года. Она хранила и собирала материалы об отце, а они тесно переплетаются с вавиловскими. Она умерла несколько лет назад, ее муж, Вадим Степанович Максименко, физик, ближайший друг Ю.Н. Вавилова, жив. Благодаря ее материальному, я, в свое время, нашел архив Зайцева, переданный в ВИР по его завещанию и находившийся без всякого присмотра в отделе хлопчатника. Когда я туда приехал, там был ремонт, сотрудники готовились к переезду в другое помещение и все старые бумаги из шкафов должны были выбросить. В этих материалах я нашел, кроме многого другого, 55 писем Н.И. Вавилова (оригиналов),

С. РЕЗНИК вместе с Ю. ВАВИЛОВЫМ, США

ИЗ ПОЧТЫ В.И. ГЛАЗКО

из которых в копиях были известны два или три письма. Я потом сделал публикацию этих писем в журнале «Природа» (не всех, редакция пожалела место). Это, конечно, не полная информация, а то, что сохранилось на ум. Не знаю, насколько это полезно. Если покопаться в библиографиях работ Вавилова и о нем, припомнятся и другие имена. В моей ЖЗЛовской книге (в конце) вынесена благодарность тем, кто помогал в работе, этот список тоже полезно посмотреть.

Всех благ!
С.Р.

От Жореса МЕДВЕДЕВА

Дорогой Валерий! Спасибо за письмо (и прежде). Лично для меня раскрыл значение и величие Н.И. Вавилова Петр Михайлович Жуковский, он рассказывал о нем в конфиденциальных беседах на кафедре ботаники, когда я был студентом, еще в 1946-47 годах. Жуковский всегда был со мной открыт и доверял, понимая, что и я пострадал от репрессий. Когда я стал писать книгу о всей истории (1961), то наибольшую помощь в получении материалов, документов и рассказы об обстановке в ВИРе — это все шло от Ф.Х. Бахтеева, он был человеком смелым. Я, к сожалению, не могу написать что-то новое, так как в Англии уже не возвращался к истории генетики и все архивы остались в СССР. Большой привет коллегам.

Ваш
Жорес МЕДВЕДЕВ

Ж. МЕДВЕДЕВ вместе с супругой в Лондоне

Николай Родионович ИВАНОВ — учёный секретарь Комиссии АН СССР по сохранению и разработке научного наследия Н.И. Вавилова со дня основания до последнего дня своей жизни

ХРАНИТЕЛЬ

КОЛЛЕКЦИИ КУЛЬТУРНЫХ РАСТЕНИЙ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Николай Родионович ИВАНОВ — он так произносил свою фамилию — родился в Петербурге 29 мая 1902 г., учился в гимназии, в 1918 г. из голодного Петрограда был отправлен с другими гимназистами в «питательную колонию» на Урал. Между колонией и родным городом возник фронт Гражданской войны. Воспитатели совместно с работниками Красного креста из США сопровождали детскую колонию на Восток, подальше от фронта, достигли Владивостока и там детей посадили на пароход и привезли в США. Всё это время старшешкольные учили младших. В США они потребовали, чтобы их отправили на родину. В 1920 г. возмужавшие гимназисты высадились в Петроградском порту... В том же году Н.Р. сдал экзамены за последние классы гимназии и поступил в только что образованный Петроградский сельскохозяйственный институт. 50 лет спустя он разыщет оставшихся «колонию» и возглавит подготовку книги воспоминаний. Увы, после его смерти никто не продолжил его начинание.

В предшественнике ВИРА, отделе прикладной ботаники ГИОА Николай Родионович начал работать с 1924 г., предметом исследований делав бобовые культуры, а с 1945 по 1971-й год заведовал Отделом бобовых. Руководителем Н.Р. Иванова в аспирантуре был Н.И. Вавилов.

Н.И. Вавилов в часы приёма посетителей приглашал некоторых молодых сотрудников присутствовать при этом и учиться вести такие приёмы. Иванов был в их числе.

В годы войны он — один из 14 сотрудников, оставшихся хранить коллекцию культурных растений. Она была разделена на две части и половина погружена в теплушки для отправки в эвакуацию в Красноуфимск, куда уже выехали остальные сотрудники ВИРА. Но коллекция туда не поступила: дорога оказалась

перерезанной. То, что оставалось в зданиях ВИР, берегли и даже пересевали в одном из трёх, оказавшихся в блокадном кольце, совхозах. Все газоны города стали огородами, и ВИРовцы обучали ленинградцев растить на улицах овощи. После пожара на Бадаевских складах в ВИРе началось нашествие крыс. Двухкилограммовые жестяные коробки с семенами крысы стаскивали с полок и накидывались на просыпавшиеся семена. Удалось достать тонкий трос, коробки связывали по 4, и тогда сбросить их крысам было не под силу. Но и ослабевшим от голода людям эта работа была почти непосильной: 200 000 коробок на 14 человек! Ещё страшнее оказался слух о том, что город сдадут, и глава этих 14 человек подготовил распоряжение смешать коллекцию, чтобы не досталась врагу. Николай Родионович, который был тогда председателем месткома, послал в Москву телеграмму, на которую последовал ответ: город сдан врагу не будет. Сохранённая ценой жизни семерых из 14, коллекция смешана не была.

После войны, с 1945 по 1971 год Н.Р. Иванов заведовал отделом бобовых культур. Про послевоенные годы в книге «Соратники Н.И. Вавилова» говорится: «В самые трудные для науки в нашей стране годы Николай Родионович скрупулёзно, методично собирал неопубликованные труды своего учителя в тесном контакте с Е.И. Барулиной-Вавиловой, находил письма, фотографии, на свои средства размножал их. Фонд, накопленный им, в значительной степени облегчил и ускорил посмертное издание богатейшего научного наследия Н.И. Вавилова — монографии «Мировые ресурсы сортов хлебных злаков, зерновых бобовых, льна и их использование в селекции» (1957), написанной в 1940 г.; «Избранных трудов» в 5 томах (1959

— 1965); книги «Пять континентов» (1962). Под редакцией Н.Р. Иванова были опубликованы два издания библиографического указателя «Николай Иванович Вавилов» (1974 и 1978). <...> на площадке парадной лестницы ВИРа в д. № 44 по Большой Морской улице был установлен щит, и Н.Р. вывешивал на нём различные материалы об Н.И. Вавилеве. Это были страни-

казывал, прочитывал и редактировал работы, посвящённые Н.И. Вавилову, делился обнаруженными материалами и никогда не заболелся о том, чтобы его имя было упомянуто. Теперь трудно сказать, какие публикации были бы хуже, а какие бы вовсе не появились, если бы не инициатива и помощь Николая Родионовича. В 1977 г. он разослал письма всем членам и активистам Комиссии с просьбой слать свои предложения — какие мероприятия

следует организовать к 100-летию Н.И. Вавилова.

Его не стало 2 января 1978 года. В поздравительной новогодней открытке он писал о делах Вавиловской Комиссии и 100-летнем юбилее Н.И. Вавилова...

М.Е. РАМЕНСКАЯ
МГУ имени М.В. Ломоносова

Здание ВИРА в наши дни

цы его работ, суждения Николая Ивановича по разным вопросам, письма-открытки из зарубежных экспедиций, адресованные всем сотрудникам института... и т.п.».

В 1966 г. была основана Комиссия по сохранению и разработке научного наследия академика Н.И. Вавилова (далее сокращённо «Вавиловская комиссия»). Н.Р. Иванов с основания был её секретарём. Он активно и инициативно исполнял эту работу, являясь движущей силой Комиссии. После смерти первого председателя В.Н. Сукачёва Н.Р. Иванов фактически исполнял и роль председателя (академик Ал.А. Фёдоров только подписывал бумаги). У него был широкий круг знакомых, прилагающих усилия к восстановлению памяти Н.И. Вавилова, начиная с граждан Эстонии и кончая Владивостоком. К нему приходили за консультациями и рецензиями, и он никогда не от-

ТИМИРЯЗЕВКА

Газета Российского государственного аграрного университета — МСХА имени К.А. Тимирязева

127550, Москва,
ул. Тимирязевская, 44
Тел.: (499) 977-31-30

Редактор **Георгий Белых**
Фото — **Владимир Ростков**
Дизайн и верстка —
Анна Ахмадулина
Набор — **Яна Ильина**

Отпечатано
в ООО «Печатный Дом»
Зак. 500
Тир. 998 экз.
www.timacad.ru